

РОМАН СЕНЧИН
информация

Роман Валерьевич Сенчин

Информация

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685575

Роман Сенчин «Информация»: ЭКСМО; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-53205-6

Аннотация

Новый роман Романа Сенчина «Информация» – по-чеховски лаконичный и безжалостный текст, ироничный приговор реализма современному среднему классу. Герой «Информации» – молодой человек с активной жизненной позицией, он работает в сфере рекламы, может позволить себе хороший автомобиль и взять кредит под покупку квартиры. Но однажды его такая сладкая жизнь дает трещину: узнав об измене жены, герой едва не погибает, но выжив, начинает иначе смотреть на окружающий мир. Сходится со старым другом – поэтом-маргиналом, влюбляется в молодую революционерку и... катится, катится под откос на полной скорости.

Жизнь внутри катастрофы – привычное состояние героев Сенчина. В новом романе катастрофа выглядит приключением, читая про которое – невозможно оторваться!

В героях «Информации» читатель узнает известную литературную богему современной Москвы и не раз улыбнется, угадывая прототипов.

Роман Сенчин

Информация

Произошло как в каком-нибудь анекдоте: жена принимала ванну, ее мобильник лежал на столе; я пытался смотреть очередную вечернюю муть. Мобильник пиликнул – пришла эсэмэска. От нечего делать я взял его и открыл. На дисплее появилась надпись: «Спокойной ночи, рыбка!»

Комната качнулась, по волосам дуло холодом. Стало страшно и радостно, как бывает, когда чувствуешь, что через минуту жизнь изменится, помчится по совсем другому руслу, или, точнее, как водопад обрушится в пропасть, чтобы там, попенившись, устремиться дальше... Да, стало страшно и радостно, и я торопливо, до возвращения жены, проглядывал другие сообщения, читал нежные послания ей какого-то мужика и ее этому мужику.

Читал и набирался злой веселостью... Вообще-то я давно тяготился житьем с женой (хоть и пробыли мы вот так, каждый день вместе, меньше трех лет), случалось, изменял ей с проститутками, но от нее измены не ожидал, тем более такой – кажется, всерьез...

Она вышла из ванной, обмотанная полотенцем. Кожа ярко-розовая, распаренная, лицо оживленное. Что-то хотела сказать, может, предложить сексом заняться, но увидела у меня в руках свой телефон, и лицо сразу изменилось – из

мужа я мгновенно превратился во врага.

Опережая мое пусть и не совсем искреннее, но все же правомерно недоуменно-негодующее: «Что это такое?!» – она начала выкрикивать, что вот какой я подонок, шарюсь в чужих телефонах; что давно хотела сказать; что ей нужно родить ребенка, а я алкаш; что я жмот – денег полно, а она до сих пор торчит в этой съемной дыре... В общем, за минуту успела выплеснуть все, что вообще свойственно выплескивать прижатому к стене бабью. А я сумел только сказать:

– Ну и тварь ты, Наталья.

Схватил с тумбочки лопатник, где были деньги, документы и карточки, прошел в прихожую, замочив ноги (с жены натекло), обулся, накинул пальто, щелкнул собачкой замка.

– Ты куда? – без интонации, как-то умиротворенно спросила жена.

– В жопу.

– Отдай мне телефон.

– Хер тебе.

Я выскочил на площадку, ткнул кнопку лифта. Но ждать не было сил, и я побежал вниз по лестнице.

От мороза перехватило дыхание, сразу защипало глаза и щеки... Зима в тот две тысячи шестой была в Москве холодная, несколько недель за тридцать давило...

Я постоял у двери подъезда, пытаюсь решить, что теперь делать... Зря так взял и выскочил. Как психованная девка или как виноватый. Правильней было бы сунуть ей в зубы

сумку и – за дверь. Катись к своему пусику, сука!.. Квартиру я снимаю, деньги плачу, а она вообще кто? что? Но возвращаться было глупо, выяснять отношения явно бессмысленно, и я пошел к «Седьмому континенту».

На выезде со двора стоял наш «Форд». Он принадлежал формально жене, был подарком ее родителей на нашу свадьбу. Но ездил на нем в основном я. У жены не выдерживали нервы рулить по московским улицам, торчать в пробках...

Вспомнилось, как я по утрам спускался первым, прогрел машину, а потом приходила жена, и я вез ее на работу, а затем отправлялся к себе в агентство... Я быстро научился ориентироваться в Москве, объезжать проблемные участки, а если и попадал в заторы, то редко нервничал – слушал молодые актуальные группы вроде «Сансары», «Мельницы», «Люмена» или аудиокниги. В конце концов время, проводимое в машине, стало чуть не лучшей частью дня. И вот теперь, в эти минуты, все уходило в прошлое. Точнее – почти все... Конечно, автомобиль я себе куплю, но в нем будет иначе... Вообще – многое будет иначе...

И вдруг показалось, что не так серьезно произошедшее. Чтоб убедиться или, наоборот, разувериться, я достал мобильник, открыл «Принятые сообщения» и снова пробежал взглядом письма. Вчитываться было слишком больно, мне хватало отдельных слов. «Рыбка», «зая», «встретимся», «целую», «до завтра»...

– Тварь, гнида. – Я сунул телефон обратно в карман.

Супермаркет «Седьмой континент» находился в ста метрах от моего (хм, «моего») дома, на Хорошевке.

Внутри – безлюдье. Волна возвращающихся с работы уже миновала, да вообще людей после Нового года (а он был две с небольшим недели назад) в Москве стало словно бы меньше. Часть, наверное, до сих пор отдыхала.

Зашел я, конечно, купить чего выпить. Пригасить клокотание... Непонятно, что именно там клокотало, но уж точно обиды было больше всего остального. В любом случае обидно, когда вот так вдруг узнаешь, что жена, как к ней ни относишься, оказывается, любит не тебя, считает другого лучше тебя. Тебя, с кем не так уж давно шла в загс, каталась в лимузине и целовалась, ходила в гости и хвасталась обручальным кольцом. Тварь.

Где алкогольный отдел в «Седьмом континенте», я знал отлично, но, вместо того, чтобы бежать туда и хватать бутылку, стал бродить вдоль полок, уставленных пакетами, упаковками, банками, коробками... Обилие еды вокруг всегда внушает чувство уверенности и защищенности. Успокаивает.

Я бродил и пытался выстроить дальнейшую тактику поведения... Конечно, с одной стороны, это отлично, что все так получилось, и теперь разрыв неизбежен, и я ни за что не пойду на мировую. Даже если она будет умолять. Разбег, развод, новая жизнь. Хорош, пожил вместе... А с другой... Как это все?... Где мне провести хотя бы эту ночь? К ней сегодня не вернусь стопудово. И она вряд ли сейчас собирает

вещи, чтобы свалить к своему. И что у него? Захочет ли он ее принять? Одно дело любезничать по мобильнику и трахаться раза два в неделю, а другое – жить вместе... Кто он вообще?

Я сунулся за телефоном, будто в нем мог найти информацию о мужике жены, но тут же отдернул руку, громко хмыкнул... А если она возьмет и заявит, что остается в этой квартире? Да, возьмет и заявит: «Я никуда не уйду. Хочешь, уходи сам». Не хозяйке же на нее жаловаться... Да... Да, придется срочно искать себе другое жилье. Вещички паковать... За семь лет в Москве я сменил пять квартир. Опыт поисков и переездов имеется. Приятного мало... Надо «Из рук в руки» купить...

Поняв, что думаю о какой-то мелкой лабуде, я снова зло хмыкнул, остановился, огляделся... Надо взять алкоголя, глотнуть, прийти в себя... Но мысли снова завертелись вокруг этой лабуды, мелкой, но важной... Действительно, где переночевать?

Друзья у меня в Москве, конечно, были. Ну, или не друзья если, то приятели. Но как это сделать – завалиться в десять вечера и сказать: «Я от жены ушел, можно пожить?» У каждого свои дела, свои семьи... Нет, к Руслану можно. К Руслану – можно. Он земляк, он меня в Москву вытащил, я его сто лет знаю. К нему можно. Рассказать, попроситься поспать, а завтра уже решить, как и что...

Я взял бутылку водки, фляжку коньяку в дорогу, пару упа-

ковок колбасок-пивчиков. Пока шел к кассе, не удержался и отпил из фляжки. Тут же появился паренек в униформе и сделал замечание:

– До оплаты товар вскрывать нельзя.

Я послал его, и он не сопротивлялся...

В тамбуре между дверьми, там, где бьет из кондиционера горячий воздух, то и дело глотая коньяк, позвонил Руслану. Без лишних прелюдий сказал, что у меня неприятности, и спросил, можно ли заехать. Руслан вяловато (явно был опять под колесами) ответил:

– Ну давай.

Теперь, когда те события вспоминаются не так болезненно, заслоненные другими, более тяжелыми, наверное, можно рассказывать по возможности обстоятельно...

Мое закрепление в Москве шло постепенно. Поселился я здесь довольно-таки случайно – однажды осенью девяносто девятого позвонил Руслан, старший брат моего одноклассника Максима, и предложил место. Сам он к тому времени уже года три как находился в столице, работал в отделе медиабаинга Агентства бизнес-новостей по протекции еще одной нашей землячки, бывшей журналистки местного ТВ. В девяносто девятом землячка эта перешла в другое агентство, Руслан занял ее кресло – стал начальником отдела, – а на появившуюся вакансию пригласил меня. Я, естественно, согласился...

Наш родной город расположен на Средней Волге. Город большой, известный в первую очередь тем, что во время Великой Отечественной его выбрали резервной столицей страны; но на самом деле он скучный и беспонтовый. Скопление зданий. В нем можно всю жизнь делать попытки подняться, но на деле не переставать копошиться на дне.

В юности, которая пришлась на начало девяностых, мы с Русланом, Максимом, Женей, еще ребятами, пытались крутить дела, но в основном не в нашем городе, а в соседнем, где выпускали самые массовые и популярные в стране автомобили, было множество предприятий, которые в то время, казалось, никому конкретно не принадлежали, и была уверенность, что каким-нибудь из них можно довольно легко завладеть.

Правда, ничего у нас не получилось. Там уже начали работать серьезные люди, они собирались поднимать огромные деньги, от нашей же группочки восемнадцати-, двадцатилетних подростков просто отмахнулись – даже не угрожали, а просто доходчиво объяснили, что нам делать здесь нечего.

Мы выживали мелочами – торговали кожаными куртками, плеерами, еще всякой модной тогда фигней, которую теперь, спустя неполные двадцать лет, и вспомнить трудно. Со всем другим стал мир, другие вещи считаются ценными, по другим раскладам устроена жизнь. Сейчас даже смешно становится, из-за чего тогда, в начале девяностых, убивали друг друга, что считали предельной крутью, чему до судорог зави-

довали. Хотя именно те, кто вошел тогда в бизнес, убогенький и нищий по нынешним временам, и, главное, умудрился выжить, удержаться, сейчас, мягко говоря, не голодают.

Но лучше всего себя чувствуют пролезшие в тот период во власть. Вот они уж точно не прогадали. Есть у меня приятель, Дима... Впрочем, он о моем существовании, скорее всего, забыл. Такие люди имеют свойство забывать наглухо целые куски своей прежней жизни и тех, кто там фигурировал. Но я о нем вспоминаю часто...

Вскоре после развала Союза, студентом второго курса, Дима стал долбиться в наш областной Совет; сначала побыл помощником у одного депутата, потом и сам стал депутатом. Отсидел там срок, успел завести связи, закорешился с сыном губернатора, и теперь – владелец одного из крупнейших и успешнейших банков Приволжского региона. Точнее, уже двух банков: второй, прогорающий, Дима прикупил и поднял во время кризиса, в две тысячи девятом.

Я слежу за ним через Интернет и не могу отделаться от стоящей перед глазами картинки: худенький мальчик с поцарапанными тупой бритвой щеками, истертый пакетик в руках, стоптанные кроссовки... Бедный, но энергичный, поставивший перед собой цель. И вот – добился.

В интервью он иногда ноет, что ему тяжело, что замучили проблемы. Но это нытье богатого человека, – те, кто каждый день перебивается с копейки на копейку, ноют по-другому. Лучше уж делать это как Дима...

В то время, когда меня позвали в Москву, я вел примитивный образ жизни. С одной стороны, был в лучшем положении, чем многие знакомые предприниматели, разорившиеся или серьезно обедневшие, опутанные долгами после дефолта девяносто восьмого, а с другой – денег у меня и до дефолта, и после было кот наплакал.

На своей полумертвой «Ниве» я мотался в Москву, привозил три-четыре коробки с игровыми приставками, джойстиком, компакт-дисками и распространял их по магазинчикам. Покупали активно – эти вещи были тогда в моде и, что важно, постоянно модифицировались. Спрос был, а вот поставками занимались челноки.

Одно время я неплохо зарабатывал на том, что покупал баксы и марки в одном обменнике, а потом продавал в другом. Играл на курсе, короче. Но в девяносто седьмом ввели полупроцентный налог, и этот бизнес погиб.

Были еще кой-какие варианты делать пусть небольшие, но все-таки реальные денежки. В общем, как говорится, крутился.

Я снимал двухкомнатку (торчать с матерью в одной квартире было, ясное дело, неудобно), раза два-три в неделю отъезжал в кабаках, имел двух подруг (одна из них, Наталья, позже стала моей женой и причиной нешуточных геморроев, о которых, собственно, я и собираюсь рассказать). Но все же такая жизнь мне мало нравилась. Хотелось стабильности, нормального дохода, цивилизованного отдыха...

По советским понятиям, у нас была приличная семья. Мать работала музыкальным критиком, отец – экономистом. Отец умер в марте восемьдесят девятого – умер неожиданно, официальный диагноз: сердечная недостаточность. Но, думаю, умереть ему помогли. Он мог стать очень влиятельным человеком, более того – готовился к этому и начинал готовить меня; он предвидел, какие возможности вот-вот откроются, но... Тогда, перед большой дележкой, много людей вот так скоропостижно поумирало. Позже их стали устранять откровенней – взрывали, стреляли, травили.

Обитали мы – родители, моя сестра Татьяна и я – в трехкомнатной квартире в центре. На третьем курсе я снял себе отдельное жилище – хотелось свободы, и чуть было из-за этой свободы не бросил университет. Вообще высшее образование в то время казалось совершенно ненужным. Но я удержался, и спустя четыре года после получения диплома экономиста, когда от Руслана пришло приглашение работать в Агентстве бизнес-новостей, диплом пригодился, хотя к моей деятельности полученная специальность имеет весьма опосредованное отношение...

Да, закрепление в Москве происходило постепенно, но нельзя сказать, что очень трудно. Спасибо, конечно, Руслану. Он помогал мне обвыкнуться, первые две недели я и жил у него; в работу втягивался без спешки (впрочем, меня не особенно торопили, очень постепенно вводили в курс дел, и позже мне стало ясно почему). Потом я снял однушку в Же-

лезнодорожном (Москву тогда еще не мог себе позволить, а точнее – глупо сэкономил на всем). После первой зарплаты съездил домой; были тяжелые разговоры с подругами... О существовании друг друга они, естественно, не знали, и каждой я обещал, что, как только у меня все наладится, заберу ее к себе. Терять любую из них было тяжело, но в то же время подсознательно я, кажется, уже тогда считал, что теперь это бывшие мои девушки, что у меня начинается новый этап, на котором появятся новые подруги. К сожалению, спустя несколько лет я вновь связался с одной из них и получил неприятностей по полной программе...

Из Железнодорожного перебрался в Южное Чертаново, а затем постепенно все ближе к центру – Коньково, Новые Черемушки, Хорошевка, и в конце концов стал, пока осторожно, подумывать о покупке двушки в приемлемом (то есть не совсем уж у МКАДа) районе.

Я знакомился с девушками, но отношения с ними заканчивались очень быстро (о чем я, в общем-то, не сожалел, – тех, к кому почувствовал бы нечто вроде любви, среди них не попадалось).

Вскоре после меня в Москву переехала Лиана, невеста моего одноклассника Максима, а затем и сам Максим (он по знакомству устроился редактором новостных выпусков на «РТР»); появились приятели, деловые партнеры, с которыми иногда пропускали по несколько рюмочек... В общем, знакомых в столице было немало. Но со своей бедой я мог по-

бежать только к Руслану, несмотря на то, что мы в последнее время довольно часто конфликтовали по работе.

Руслан был старше меня на три года, и тот давний переход от сгнившего социализма к некой иной форме жизни ударил его больнее, чем меня и моих сверстников. Мы учились в одной школе, и я помню Руслана учтиво-деятельным, в отутюженном, синем, под вид школьной формы, но отличающемся от нее качеством материи, самым покроем costume; Руслан носил на лацкане комсомольский значок, который выглядел крупнее, чем у других.

Руслан откровенно делал карьеру (в искреннюю ретивость комсомольцев девяностого года как-то и тогда не очень верилось), стремился наверх. В десятом (тогда выпускном) классе он стал членом горкома комсомола, а как только поступил в университет, подал документы в партию. Но тут грянул путч, партия вместе с комсомолом провалились в задницу; старшие товарищи, вовремя (в период кооперативного движения) получившие доступ к бизнесу по комсомольской линии, Руслану не помогли, и он в те месяцы выглядел очень подавленным. Ходил на лекции, сдавал зачеты, иногда, кажется, по привычке, пытался поактивничать, но кто-нибудь из юных демократов что-нибудь вякал в его адрес, и Руслан сразу сникал.

Впрочем, не ждать долго и тупо возвращения прежнего мироустройства у Руслана ума хватило. К октябрю девяносто третьего он уже был далек от политики, все силы вкла-

дывал в учебу, писал в областные и городские газеты статьи об экологии (модная тогда тема), постепенно набирая очки в журналистском сообществе, а в свободное время – осторожно, правда, – пытался открыть бизнес вместе со мной, своим братом Максимом, Женей, другими полуподростками.

Но он первым из нас понял, что для бизнеса время прошло, и всерьез занялся журналистикой, стал работать на местном ТВ, а в девяносто шестом был приглашен в Москву, куда спустя три года перетянул и меня, тогдашнего микроскопического коммерка, не имевшего опыта ни в журналистике, ни в медиабаинге.

Наверняка он с большим удовольствием выбрал бы вместо меня своего брата Максима, но тот к тому времени в очередной раз бросил универ и бездельничал, да и вообще был шалопаем, лентяем и нищеглотом с замашками мажора. Такой человек был бы попросту опасен, допусти его до серьезных дел... Но Максим вскоре и так появился в столице и в два счета обскакал и Руслана, и меня. Еще бы – редактор на «РТР» с зарплатой в две тысячи баксов, потом ведущий одной из программ с зарплатой три с половиной тысячи... Впрочем, мы с Русланом и не рвались куда-то к звездам, нам хватало и тех кормушек, что предоставляла судьба. Тем более что их становилось все больше.

Вообще дни в нашем агентстве протекали спокойно и тихо. Мы сидели в кабинетах по три-пять человек за компьютерами, выискивали в Сети информацию, тихо разговарива-

ли по телефонам, принимали заказы и связывались с редакциями газет, телеканалов, радиостанций, чтобы заказы пристроить. Но бо́льшую часть времени играли в стрелялки или «Цивилизацию», копались в Интернете.

Вспышки активности происходили изредка, когда нужно было разработать и реализовать крупный проект; случались и скандалчики, в основном по поводу того, что кто-то из сотрудников пытался кинуть оказавшегося в доле сослуживца на бабло или, что было страшнее, если начальство узнавало о крупном леваке.

У меня стычки происходили в основном с Русланом – у нас была одна и та же клиентура, одни и те же каналы размещения информации (предоставленные мне некогда самим Русланом), – но мы быстро мирились: земляки все-таки. И работали дальше.

После года (первого моего года в Москве) бурно проводимых выходных и вечеров после работы мы стали редко встречаться, выпивать, накуриваться, покупать проституток, искать приключений. Жизнь вошла в узкую и довольно надежную колею; в две тысячи первом Руслан женился и вскоре купил квартиру, в две тысячи третьем женился я. Мы встречались утром на работе, вечером прощались и разъезжались, изредка собирались семьями... Вообще последние годы казались мне неким сном, в котором что-то делаешь, даже размышляешь и соображаешь, отыскивая выходы из сложных ситуаций; бывает, расстраиваешься, бесишься, но

все же остаешься в этом сне, уютном, удобном. И просыпаться не испытываешь потребности.

Руслан тоже, кажется, пребывал в чем-то подобном. Он размяк, пополнел, глаза стали прозрачнее, смотрели словно не на окружающее, а мимо... И мы усиленно старались сохранить свой сон – я выпивкой, а Руслан колесами.

...И вот сейчас он сидел неподвижно, как чучело, в большом, глубоком кресле, слушал мои жалобы на предавшую меня жену, вопросы, что теперь делать, и смотрел мимо. Как-то на полсантиметра мимо... Из сидюшника лились приторно-нежные диско-песенки... Жена Руслана, Марина, была в другой комнате – благоразумно удалилась, чтоб не слушать о своей пусть не близкой, но все же подруге (моей жене) «гадости». Послушать-то наверняка хотелось, но последствия, как она понимала, могли быть для нее неприятными: послушает и передаст Наталье, а мы возьмем и помиримся, и Наталья перескажет мне слова Марины, я, в свою очередь, предъявлю это Руслану, и в итоге образуется очаг конфликта, клубок обид, способный рассорить меня с ее мужем, а это отразится на наших деловых отношениях, наверняка уменьшит финансовые приходы в семью... Конечно, эта схемка была лишь моей догадкой, причем возникшей мельком, но вполне могла оказаться правильной, – как я заметил, большинство людей стараются поменьше знать, чтобы этими знаниями не подпортить себе жизнь. Да это ведь старая истина: меньше знаешь – дольше живешь. И обсуждать нечего... Важно бы-

ло другое.

– Ну так как, Руслан, как теперь? – тормошил я сидящее в кресле чучело. – Ты сам тогда первый поддержал, что мне с ней надо возобновить. Помнишь? И вот такую пакость под-сунула...

– Да-а, херово, – в который раз за полчаса нашего общения выдавил Руслан и отхлебнул из пол-литровой кружки зеленого чая; по всему видно было, что у него одно желание – лечь в кровать и разглядывать колесные картинки.

– Спасибо за реакцию. – Я допил коньяк и достал из пакета водку. Не выдержал молчания, снова стал рассказывать, точнее, вслух переживать случившееся: – Все нормально было... нормальный вечер... Еще за продуктами вместе заехали, повыбирали, что там на ужин, на завтрак... Она в ванную ушла. И тут – эсэмэска. Сука... Руслан, скажи, как можно жить с человеком и в то же время думать о другом, всякие басни сочинять, чтоб с ним побыть? А я, кстати, еще радовался, что она на фитнес записалась, с Лианкой, с Мариной твоей так часто общается. Меня как-то не особо дергает. А вот, оказалось. Тварь, сука...

– Н-да-а...

– Ну чего ты все дакаешь?! Ты посоветуй, что мне делать-то?

Руслан молчал. Да и что мог сказать, на самом деле? Вместе со мной возмущенно изумляться, как это Наталья могла так поступить, было бы смешно, толкать меня на какие-то

радикальные действия («разберись по-мужски!») – опасно. Все-таки все мы – и я, и Руслан, и Наталья – были знакомы много лет, дружили, выросли вместе, и рвать отношения, становиться врагами ему не хотелось.

– Может, позвонить этому? – глотнув еще водки, спросил я. – Узнать, как это он, урод, додумался?... Замужняя женщина... А?

– Да, позвони, – кивнул Руслан. – Только не сейчас. Завтра.

– Почему это завтра?

Руслан досадливо pokrивил губы. Потом тяжело приподнялся, ткнул кнопку «play» на смолкшем сидюшнике. Снова зазвучала диско-музыка, запел женский голосок...

– Я тебя понимаю, – сказал я, наполняя рюмку. – Никому не хочется в чужое говно наступать. Но зря ты все-таки... У меня... ну, трагедия настоящая, а ты... Хотя бы пару слов человеческих.

– Во-первых, – вроде бы стал оживать Руслан, – никакой большой трагедии нет.

– Как это?!

– Ну вот ты узнал, что Наташка с кем-то крутит. И что?... А что ей делать? Да это сейчас через одну, тем более здесь, в Москве. Девкам же скучно просто так жить. Хочется принцев, гламура... Ты ей это давал?... Так – одноцветные будни и раз в месяц какой-нибудь ужин в ресторане, после которого ей еще тошнее... Да и сам ты, – Руслан перешел на

шепот, – сколько раз?... Сколько мы с тобой...

– Ну, это, блин, разные вещи!

– Тихо ты.

– Это разные вещи. Я – перепихнулся за две тысячи и побежал, а здесь...

– А девкам отношения необходимы. Хоть видимость чего-то такого... Чтоб их добивались, жертвовали ради них чем-нибудь, внимание уделяли. Хоть так вот – эсэмэс перед сном.

Я снова хотел перебить, но Руслан остановил:

– Подожди. Подумай, может, это все к лучшему. Все ведь не просто так происходит. Разбежитесь, встретишь лучше.

– Хм! Это ясно. Но ведь обидно же, когда узнаешь, что тебя за идиота держали!

– Не ори.

– Обидно. Вроде жили как люди, в постель одну ложились, она что-то для дома покупала... Шторы... Радовались, что они так под обои подходят... А оказалось, что в это же время у нее кто-то там, она о другом думает... Со мной ебется, а его представляет...

Руслан изможденно отвалился на спинку кресла, вытряхнул рукой сигарету из пачки, сунул в рот. Щелкнул зажигалкой... Я проглотил водку, передернулся.

Я был почти трезв, точнее, взвинчен, но чувствовал, что скоро алкоголь одолеет взвинченность и шарахнет по мозгам. Триста граммов коньяка, уже граммов двести водки. И

всё без закуси (Марина предложила, но я отказался, жрать не мог).

– Мой совет, – покурив, поразмышляв, сказал Руслан, – не торопись. Паузу выдержи. А потом подробно все с Наташкой обсудите. Если серьезно – разводитесь. Хуже не будет... наверно. По-честному, она не предел мечтаний.

– Эт точно... Но ведь мы знакомы хрен знает сколько. Лет... Когда в универ поступали, и познакомились... И вдруг все ломать.

– Что ж, бывают в жизни такие моменты.

– Ох, мудрец какой! – Меня выбешивал этот спокойный тон; я торопливо выпил еще.

Руслан спросил:

– Ты группу «Мираж» знаешь?

– А? – Переход был такой резкий, что я даже поначалу и не сообразил – эти слова показались мне какими-то... как из другого языка.

– «Мираж». Популярная жутко группа была в конце восьмидесятых. Да помнишь, конечно, на всех дискотеках крутили. Я вот недавно диск прикупил, что-то заностальгировал, и, прикинь, тексты, оказывается, с таким смыслом. – Руслан сделал звук громче; я остолбенело молчал. – Вот, как раз, слушай.

«Ро-оль, – пела женщина, – написали нам по строкам на листе. Но сегодня мы уже не те...»

– Восемьдесят шестой год, самое начало перестройки, и

здесь – такое, – прокомментировал Руслан. – Конечно, слегка замаскировано под попсу, но смысл-то не попсовый. Да и музыка... Я, кстати, диско никогда попсой не считал. Особенно – «Мираж»... «Я не шучу» – вообще гимн. Нет, серьезно...

И он что-то понес про культ ночи, про близость «Миража» и «Кино», про призыв к молодежному бунту, то прибавлял, то убавлял громкость, подпевал тонкоголосой женщине. Я сидел молча, поняв, что дальнейший разговор о моей беде бесполезен, и накачивался водкой.

Потом кое-как поднялся (штормило уже прилично), выбрал в прихожую и вызвал в мобильнике жены тот номер, с которого присылали эсэмэски. Вызов пошел, и я, помню, отметил зло: «Не отключила, мразь!» Длинные гудки оборвались хмурым, а может, заспанным, глухим голосом:

– Слушаю.

«Хм, знает уже, сволочь, что не Наташка звонит», – усмехнулся я и вслух издевательски сладко сказал:

– Добрый вечер, зая. Это муж Натальи. – При слове «муж» в горле булькнуло горькое. – Приятно познакомиться.

– Здравствуйте... Минуту.

Судя по звукам, мужик (голос был взрослого, солидного мужика) поднялся с постели, пошлепал куда-то. Я ждал.

– Я вас слушаю, – раздалось уже совсем деловитое.

– А что меня слушать. Это я хочу вас... тебя послушать. Хочу узнать... – В голове поплыло и завертелось – ярость,

опьянение, обида; и я, как профкомщик из советских фильмов, стал говорить о разрушении семьи, о совести, низости, о моральном падении, о том, что вот у него тоже наверняка есть семья, а он... Я стоял, прислонившись к стене, держась левой рукой за ручку туалетной двери, чтоб не упасть, и говорил, говорил. Мужик не перебивал, и это меня еще сильнее бесило.

– И что теперь делать, а? – перешел я к вопросам. – Что мне теперь?! Наталье?... Мне ее придушить, что ли? А, зая, как?

– Не нужно делать глупостей, – наконец заговорил он. – Наташа ни в чем не виновата.

– Да-а? Ха-ха!

– Я люблю ее. Люблю по-настоящему, вот и все. И она станет моей женой.

– А хер тебе на весь хлебальник?...

– Успокойтесь, давайте вести себя взросло... Вы не дома сейчас? Можете возвращаться. Наташа уехала к знакомым, а завтра...

– Спасибо, очень вам благодарен! – Я то проваливался в отруб, почти падал, то выныривал и на несколько мгновений становился абсолютно трезвым. – Спасибо за заботу.

– А завтра, – настойчиво продолжал мужик, – решим, как быть. Я люблю Наташу, и она будет моей женой. Вот и все.

– Вот и все, – механически-сонно повторил я. – Нет! – очнулся. – Нет, не все! Еще разберемся. Я вам устрою жизнь!..

Нажал кнопку с красной трубкой, сунул телефон в карман джинсов. Продолжал стоять, держась за ручку.

– Ну что, – появился Руслан, – пойдешь?

Я его ненавидел в тот момент. Он мне не помог. Наоборот, глумился. И я сказал едко:

– Спасибо и тебе за заботу.

Кое-как влез в туфли (зашнуровать их не получилось), с помощью Руслана – в пальто.

– Ты без шапки, что ли? – спросил он.

– А на фига она мне?

– Мороз ведь...

Он пошарил рукой в тумбочке, достал какую-то серенькую.

– На, надень. Болеть нельзя. Завтра на работу.

– Какая теперь работа... Какая?! Жизнь обрушилась.

Приговаривая, что ничего страшного, что в принципе все нормально, он вывел меня в подъезд, вставил в подошедший лифт.

Дальнейшее вспоминается эпизодически. То ли действительно я был таким пьяным, то ли эти провалы вызваны ударом... Отложилось: в ларьке купил бутылку пива, потом оказался на широкой улице с вытянутой рукой; потом уцелел момент, когда развалился на заднем сиденье машины и пытался попасть горлышком бутылки себе в рот. Потом наступила мягкая чернота...

Надо мной свистнуло, хлопнуло, проревело. Я открыл глаза, и сначала их, а следом, тут же, и виски, лоб, затылок разломила боль. Такая, что я схватился за голову. Но эту боль сразу заслонил ужас, а точнее, в тот короткий момент, недоумение: я схватился руками, но рук не почувствовал – по голове сухо ударили палки.

Я поднес руки к глазам и попытался пошевелить пальцами. Они, скрюченные, серые, не двигались. Одеревеневшие, но не так, как бывает, когда во сне их отлежишь, а по-другому – как мертвые.

Что-то мелькнуло в мозгу про то, что замерзшие руки нельзя бить – пальцы могут отвалиться (даже наказание такое вроде существовало для воров), – и я сунул их под мышки. Левую руку под правую, правую – под левую. Подождал, сообразил, что лежу. Поднялся. Сделал шаг по плотному, наезженному снегу и упал. Правая нога не слушалась. Ее до колена тоже словно не было...

Заболтанное слово «ужас» вряд ли может передать то, что я тогда испытал. Но другого не подобрать. Действительно – ужас. Ужас.

Я находился на обочине широкой трассы, возле бетонного отбойника, за которым чернели деревья. Мимо на полной скорости пролетали легковушки и джипы, грохотали грузовики. Дорога была ярко освещена – на разделительной полосе торчали высокие фонари. Их желтый свет казался теплым и уютным... Да, рядом жизнь, движение, свет, а я на обочи-

не, лежащий на твердом грязном снегу, полузамерзший, не понимающий, как здесь оказался.

Я лежал и в то же время весь шевелился – пытался почувствовать пальцы рук, правую ногу, которая, как я понял (не увидел, а понял), была без туфли. Я тер ее левой, скреб, попинывал, ожидая, что вот сейчас она отзовется.

Конечно, из машин меня видели, но ни одна гнида не остановилась. Даже не притормаживали. Горлом – губы и щеки тоже не двигались – я материл их и в то же время вспоминал, что недавно сам так же проехал мимо свежей аварии. Проехал, видя, что «скорой» и гаишников еще нет, а в салонах измятых машин кто-то находится, и вот теперь получил... Наверное, перед смертью такие покаянные мысли приходят ко многим...

Сейчас тот момент, когда пальцы рук наконец защипало, закрутило болью, представляется мне самым счастливым. А тогда я заорал, заорал так, что лицо хрустнуло, как капустный кочан. Я завертелся на снегу... Пальцы выворачивало, но я был рад – значит, они не совсем отмерзли, в них остались ручейки жизни. И я стал их расширять, превращать в реки, толкая кровь дальше, дальше.

Да, жизнь возвращалась, то есть – я вгонял ее в себя. Лежал, прислонившись к бетонной чушке, и вбивал, вгонял. А машины равнодушно просвистывали мимо.

Но когда я ожил до такого состояния, что сумел подняться (правая нога по-прежнему была чужой, хотя держаться на

ней, правда, кривясь от какой-то тошнотворной рези, я мог) и вытянул руку, рядом со мной тут же остановилась одна из проезжавших машин – «ЗИЛ»-«бычок».

Молча, боясь, что любое мое слово может испугать водителя, я влез в обжигающе горячую кабину, захлопнул дверь и тогда уже прохрипел:

– До Москвы, пожалуйста.

Пожилой мужик за рулем не двигался. С усмешкой смотрел на меня.

– Москва в другой стороне.

– Да?... – Я понял, что если сейчас меня высадят, я снова упаду и тогда уже замерзну насмерть. – Пожалуйста. Меня ограбили и бросили. У меня нога обморожена... руки. Пожалуйста. До метро... до куда-нибудь... Я заплачу.

Водила подумал (мне казалось, что думал он очень долго), бормотнул: «Лады» – и тронул «бычок». Я осторожно, горящими пальцами, обшаривал себя. Лопатника во внутреннем кармане пальто, конечно, не было. Моего мобильного – тоже. Но уцелел мобильник жены в кармане джинсов, там же и какие-то деньги. А главное – заныканная (на всякий случай я всегда распределяю ценные вещи по разным местам) карта «Банка Москвы» в кармане рубахи под жакетом.

Убедившись, что меня действительно грабаныли, но кое-что все-таки сохранилось, я стал соображать, где я. Впереди была разбавленная редкими мутными огоньками чернота, никаких признаков большого города.

– Куда вы?... Куда мы едем? – спросил, боясь, что меня снова шибанут по голове и обчистят окончательно. – Там не Москва.

– До развязки. Как я тут развернусь?

– А какое это направление?

– Хм... Киевка.

– Понятно...

Я осторожно потирал друг о друга зудящие руки, смотреть на них боялся. А нога так и не отходила. Тупая боль пульсировала где-то глубоко, в кости, а кожа, пальцы были деревянными... Вспомнил, как обувался, как выходил от Руслана... Черт, надо было хоть шнурки завязать... Много чего надо было сделать. И не надо...

Добрались до развязки и поехали в обратном направлении. Я заметил указатель – «Пос. Московский». Далеко ли это от самой Москвы, не знал, а спрашивать у водилы опасался. Вообще опасался разговаривать – рожа у него была недовольная.

– Сколько заплатишь-то? – будто почувствовав, о ком думаю, спросил он. – А, снеговик?

Морщась, залез пальцами в карман, вытянул какие там были бумажки. Оказалось – две сотни, полтинник, несколько десятков.

– Триста есть, – ответил, пряча их в кармане пальто; две десятки отделил от пачки.

Водила снова хмыкнул:

– Не щедро. Я соляры с тобой на больше нажгу, еще и на вызов опоздаю.

– Больше нету. Честное слово. Говорю же, ограбили. По голове ударили и – из машины. – Я потрогал голову и сразу почувствовал в волосах липковатое. Посмотрел на руку – на ней осталась бледно-красная, смешанная с растаявшим снегом и сукровицей кровь. – Вот, – показал водиле.

– М-м, убери... Бухой был?

– Ну да...

– Всё празднуете.

– Врагу бы не пожелал такого праздника... Жена изменила. То есть узнал, что другого, ну, любит...

– А ты хлопнул дверью и нажрался. Так?

– Ну да...

– Звиздюлин бы ей ввалил, и все дела. А теперь лечиться замучишься. – Водила кивнул на мои руки. – Да и рожа. Эх-х, не завидую.

Зданий по бокам становилось все больше, воздух – светлее. Вот вроде и МКАД... «Бычок» забежал под виадук и, развернувшись, остановился.

– Все, дальше не поеду, – снова помрачнел водила. – Там гаишники, да и некогда... Доковыляешь вон до заправки, вызови «скорую». Меня только не впутывай. Не надо.

– Да, – буркнул я, открывая распухшими пальцами дверцу, – спасибо.

– Деньги-то давай.

Я вытащил мокрые мятые купюры, сунул водиле, кое-как сполз на землю. «Бычок» сразу же дернулся прочь.

– Урод, – сказал я, – мне же в больницу надо.

Постоял на одной ноге, не представляя, как доберусь до заправки. Она находилась метрах в трехстах. Подземный переход вдобавок...

– Ур-род, – повторил я и пошел, нет, запрыгал – правая нога под коленом болела, а ниже не чувствовалась. Опира-ться на нее было невозможно и страшно.

Передыхая в подземном переходе, достал мобильник, посмотрел время. «01:27». Черт, еще каких-то пять часов назад я сидел на диване, тыкал кнопку переключалки, сыто скучал. Потом вот этот самый телефончик оповестил о получении эсэмэс, и я, дурак, взял, открыл, прочитал. И понеслось. И вот я где-то на МКАДе, обмороженный, с разбитой башкой, без паспорта, без денег, без своего телефона. Без жены... Вот так вот – хлоп! – и все перевернулось. И покатило в черную яму.

Когда-то я посмеивался над американскими фильмами, в которых показывали магазинчики при заправках. Вечно там что-нибудь происходило, в этих магазинчиках, они вообще стали неким киношным штампом – к заправке подъезжает автомобиль, человек весело идет купить банку колы, или, наоборот, кто-нибудь полуживой добредает, и тут-то начинается... А теперь я сам оказался таким персонажем.

Впрыгнул в магазинчик в обледенелом пальто, со слип-

шимися волосами, распухшей, перекошенной мордой. Навалился на стойку, прохрипел, задыхаясь:

– Вызовите «скорую»... Скорее... – И сам достал телефон. – Какой здесь адрес? Скорее... А?...

Вместо ответа девушка-продавщица закричала:

– Сережа! Сереж, иди сюда!

Из подсобки, или откуда там, появился здоровяк в синей бейсболке. Он вполне мог выкинуть меня за дверь – «нам не нужны геморрой!» – но все же помог. Усадил на стул, позвонил в «скорую». Правда, когда положил трубку, посоветовал пока никому не говорить, что меня избили, ограбили.

– Потом заявишь, в больнице. А то нас тут затрахают допросами. О'кей?

Я кивнул. Я уже был на все согласен, лишь бы меня быстрее стали лечить. С ногой творилось страшное – она уже не вмещалась в штанину, носок натянулся, напоминал валенок...

Минуты – я то и дело смотрел на часы в мобильнике – ползли изводяще медленно, цифры менялись с небывалой, нереальной неспешностью. Раньше я часто курил гашиш, люблю футбол – я знаю, что такое протяженность минуты. И никогда она не длилась так долго, как в этом магазинчике. Пять минут протекли, как несколько часов...

– Извините, – заговорил я, измученный, добиваемый этой медленностью, понимая, что с каждым вязким мгновением моя плоть, оттаивающая, киснет, как мясо из холодильника

на солнечном подоконнике, и нужно было что-то предпринимать. – Извините... – Я вспомнил, что при обморожении нужно пить чай. – У вас чаю не будет?

– Вон там, – сразу отозвалась девушка за прилавком (Сергей снова исчез), – в автомате. Десять рублей. С лимоном – двенадцать.

Говорила таким тоном, словно я зашел сюда из теплой кабины, и сейчас, выглотив горячую сладкую жидкость, снова в нее залезу. А я ведь... «Идиотина!»

Боясь, что пальцы лопнут, как наполненные водой презервативы (в школе мы кидались такими «капитошками»), я залез в карман и достал оставшиеся десятирублевки. Поднялся, подскочил к аппарату и нажал «чай». Сунул купюру в щель. Щелкнуло, зашипело. Внизу стукнул пластиковый стаканчик. Я наклонился.

– Подождите, – голос от стойки (следила, значит, за моими судорожными движениями), – он медленно наливается.

Голос звонкий, юный, правильный. Такая типичная тина двухтысячных: честно отрабатывает смену, четко знает свои обязанности, с людьми вежлива, но неожиданностей пугается, начальничку Сергею не дает, пятьдесят процентов зарплаты вносит в семейный бюджет...

Ждать, пока стакан наполнится, было тошно. Неудобно, больно, страшно вот так просто стоять и ждать. Рядом находился банкомат. Вроде работает – картинки на дисплее меняются, завлекают.

Наличные наверняка окажутся необходимы – нужно будет просить, уговаривать, задабривать... Я выудил карту, морщась при каждом тычке по клавишам, снял двадцать тысяч.

Спрятал карту обратно во внутренний карман, а деньги, разделив пополам, засунул в разные карманы джинсов. Тут же вытащил одну тысячу и пополнил счет на телефоне (терминал стоял рядом с банкоматом – целый строй аппаратов). Мысленно упрашивал кого-то, чтоб жена не отключила мобильник...

Только глотнул чаю, вошли двое в голубых резиновых комбинезонах, с наброшенными на плечи куртками.

– Ты вызывала? – спросил один недовольно, почти похамски.

– Да, – писк девушки. – Вон он.

Я поставил стаканчик на банкомат и попрыгал к ним.

– Ну и чего стряслось? – по-прежнему недовольно-нагло заворчал врач, но присмотрелся ко мне и покачал головой. – Ясно. Давай в машину. Сам сможешь?

– Не знаю...

Они помогли мне залезть в нутро «скорой». Уложили.

– Давай в пятьдесят первую, – велел врач водителю.

Покачиваясь на снежных кочках, машина тронулась. Я зазмурился. Появилось детское желание уснуть, чтобы потом, когда снова открою глаза, понять, что все это жуткое мне просто приснилось.

Нельзя сказать, что родители меня очень любили. Они не проводили со мной все свободное время, почти не играли, не разговаривали по душам, не передавали опыт. Так как-то, на расстоянии держались. Но уж точно – они меня берегли. Я ни разу не лежал в больнице; всякие неприятности вроде переломов и аппендицита меня обошли. Вообще судьба как-то так складывалась, что за свои тридцать лет я больницу ни разу в жизни не посетил. Мало представлял, что это такое.

Помню, как-то посмотрел пару серий, кажется, неплохого американского сериала про их «скорую», про больницу типа Склифа, но быстро потерял интерес: одно и то же, да при этом, я был уверен тогда, совсем мне не нужное.

И вот вдруг оказываюсь на каталке, меня куда-то везут по полутемным коридорам; надо мной незнакомые, недружелюбные лица. Я лежу, луплюсь на них, на стены, покрытые кафелем, на потолок с мигающими лампами, слушаю однообразный скрип колесиков и сбивчивые шаги, и изо всех сил убеждаю себя, что это все не со мной. Что на носилках – не я.

...В ранней юности, в период, когда тело растет и чувствуешь, как тянутся мышцы и кожа, удлиняются кости, наверняка у многих возникают мысли: а как я буду вести себя, если с моим телом что-то случится?

Я, например, часто тогда об этом задумывался. Не задумывался даже, а ярко представлял, что вот меня сбивает машина, или я срываюсь с балкона. Переломы, кровь, раны, боль... И тогда я был уверен, что лучше моментальная

смерть, чем операция, хирурги в масках, звяканье зажимов, скальпелей... Я был уверен, что умру от страха и отвращения еще до того, как меня усыпят, чтобы резать и зашивать. Что лучше не жить вообще, чем остаться без руки или ноги, без глаза, прикованным к постели.

А сейчас я мысленно торопил врачей, чтобы они скорее привезли меня куда нужно, стали лечить. Пусть режут, чистят, шьют, пересаживают кожу...

– Н-ну что, – осмотрев ногу (штанину джинсов разрезали до самого бедра, и я не протестовал), сказал как-то весело мужик со щетиной, очень слабо похожий на врача. – Что, опухлик, проспал ногу?

– В смысле – проспал? – Меня окатило ледяными мурашками.

– Да в прямом. Явная четвертая степень.

– И что? – Я понимал, куда он ведет, но изо всей силы старался убедить себя, что не понимаю.

– Что – ампутировать будем, – устав от предисловий, заявил мужик. – Сейчас руки сполосну, дадим тебе ксенона дыхнуть и примемся...

– Подождите! – Я стал совсем мокрым, и обмороженные щеки защищал пот. – Нет... Надо ее спасти. Как так сразу?... Пожалуйста...

Я говорил много и быстро, жалобно и, как мне казалось, убедительно. При желании можно вспомнить все слова-доводы, обещания и тому подобное, – можно вспомнить и за-

писать, но вряд ли это будет так же выразительно, как тогда, ночью, в нищей больничке на окраине Москвы. И вообще экстремальные ситуации на бумаге теряют градус экстремальности, становятся какими-то банальными, а то и смешными.

Да, я наверняка был смешным тогда – действительно, опухликом в измазанной, потерявшей пафос одежде, со скорченной в умоляющую гримасу рожей, дышащей перегаром, очередным посленовогодним алкашиком... Врач, слушая, ухмылялся (именно в эти вечер и ночь я заметил, как часто, оказывается, люди ухмыляются), приглядываясь, словно прицеливаясь, к моей ноге. И я понимал, что он не слушает меня, ему легче просто отпилить ее, желто-красную, с мертвыми, торчащими дыбом волосками, чем возиться... Я понял, что нужно сказать главное:

– У меня деньги есть. – Залез водянистыми пальцами в карман, вытянул пачечку из десяти тысяч. – Вот... Вот, возьмите. Пожалуйста!

– Это что? – Губы врача искривились зигзагом, щетина из светло-русой стала каштановой. – Это взятка, что ли? – В смотровой, или как назвать этот напоминающий кухню в общаге кабинет, еще были люди.

– Нет! – Я мотнул головой. – Это, ну, это на лекарства. Спасите ногу, пожалуйста. Как же я?...

Не беря деньги, врач еще раз, затажно, посмотрел на нее, потрогал надутую кожу, вздохнул:

– Работы много... – И затем еще несколько вздохов, все более меня ободрявших. – Да, препараты дорогие нужны... М-да-а, нужны... Что ж, попробуем... Шансы вообще-то есть...

– Здесь десять тысяч. Больше нет сейчас, – чувствуя, что спасение возможно, еще энергичней стал упрашивать я. – Но – будут! Сколько скажете. Спасите, пожалуйста...

И меня стали лечить. Капельница, мази, повязки... Отвезли в палату, где кто-то храпел, сопел, стонал. Перетащили на кровать.

Я лежал, пучился в темноту и представлял, как ворюга вынимает из моего лопатника карты, сует в банкомат, пробует найти код. Потом шерстит мобильник и натывается на список этих кодов. Набирает. Шелестят снимаемые со счета денежки. Много-много небесно-голубых бумажек... Надо позвонить в банки, потребовать, чтобы карты заблокировали. Надо... Но для этого нужно знать номера телефонов этих чертовых банков, а номера тоже в моем украденном мобильнике... Блядь!.. Я снова покрылся разъедающим обмороженную кожу потом. Заерзал на кровати.

Достал из-под подушки телефон жены, уложил его на забинтованной ладони и уже было начал в нем копать в надежде что-то важное (я не знал, что именно, но надеялся на чудо чудесное) отыскать. Передумал: ничего наверняка не найду, только разряжу батарейку. А мне здесь еще торчать черт знает сколько.

Убрал телефон под подушку, придавил ее головой и закрыл глаза, успокаивая себя разным мысленным бредом вплоть до фантазий о море, теплом и ласковом, на которое обязательно поеду, если всё (что – всё, додумывать не хотелось) обойдется. Представляя это море, мягкий рыжий песок, грабителя, не сумевшего расшифровать коды и вообще погибшего в аварии через полчаса после ограбления, жене, вымаливающую прощение, уснул. Во сне, конечно, было лучше, чем наяву.

Ногу не отрезали, но и того, что она вылечивается, я не замечал. Вообще был очень плох тогда. Опухоль на лице не спадала, забинтованные руки и ноги кололо болью при каждом движении. Часто казалось, что становится только хуже.

В первое утро в больнице я позвонил Руслану и рассказал, что случилось. Он вроде бы искренне испугался и даже почувствовал вину: «Зря я тебя вчера отпустил. Извини». Пообещал объяснить начальству, почему не выхожу на работу, но приехать ко мне желания не выразил. И хрен с ним... У меня к нему была всего одна важная просьба: «Свяжись с Натальей как-нибудь. Через Лианку. Скажи, чтоб она этот свой сотовый не блокировала. Распиши, что со мной, в каком состоянии... Это моя единственная связь». Руслан пообещал.

В агентство я позвонил сам, прямо генеральному директору. Отношения у нас были неплохие – я часто выполнял

его довольно щекотливые поручения, и вообще он меня выделял. Директор посочувствовал, пожелал скорей выздороветь...

Сделал еще звонок своему приятелю бомбиле Ивану (он несколько раз за приемлемую плату был моим шофером, когда у меня под рукой не было Натальино «Форда», раза два возил съемочную группу на сюжет), вкратце объяснил, что попал в больницу и скоро мне потребуются его услуги.

Потом отключил мобильник – аккумулятор нужно было беречь...

Тот врач, что взял у меня десятку, приходил через сутки. Он то ли делал вид, то ли действительно пытался лечить. А второй, его сменщик, маленький, тщедушный, в очочках, осматривая ногу, охал, качал головой, бессильно шептал:

– Молитесь, молодой человек, молитесь. Просите Христа...

Я согласно подмыкивал, боясь что-нибудь спрашивать. Первый врач вряд ли с этим поделился деньгами, да и, наверное, правильно. У меня не было веры в этого второго – эскулап, полагающийся на бога, это, по-моему, последнее дело...

Несмотря на личные беды и отчаяние неопределенности, удивляли, а затем и стали приводить в ужас однопалатники и вообще пациенты нашего отделения.

Почти у всех были ампутированы ноги, или руки, или пальцы рук, но мало кто убивался по этому поводу. Некоторые даже светились весельем – может, и нехорошим, грани-

чащим с сумасшествием, но все же... Особенно выделялся мой сосед по койке.

Это был коротко стриженный парень лет тридцати. Невысокий, но мощный, богатыристый. В тельняшке. Как я узнал немного позже, звали его Костя.

В первое же утро, увидев меня, он радостно поинтересовался:

– Ну как, убрали лишнее?

– В смысле? – не понял я.

– Ну, отчикали?

– Что отчикали?

Парень махнул толстой, с буграми мускулов, ручищей:

– А, лежи, наркозник.

После обхода, увидев, что ноги у меня целы, Костя без большой, впрочем, горести, сообщил:

– А мне отчикали. Обе, бля. На левой пятку оставили, чтоб скакал. Теперь, бля, инвалид... В Чечне ни одной дырки, а тут – вот... – И, постепенно разгоняясь, он стал рассказывать: – Все новогодние дома торчал. Не пил почти, так... С дочкой играл, телик смотрел спокойно. А на работу вышел – и нажрались с напарником после дежурства. Цивильно, в кафе. Домой когда ехал, задремал на остановке. И – вот... И, бля, – в голосе послышалась злоба, – ни одна сука не тряхнула, чтоб разбудить. Москва... Часа два просидел... Хорошо на руках перчатки были. Хоть руки остались.

Я лежал и тихонько млеял, что у меня все-таки все цело.

Тьфу-тьфу-тьфу... Может, и у этого можно было спасти, но он денег не предложил.

– Выписываться уже пора, врачи говорят, а жена не едет. Звонил ей, сказал. Она рыдает там, трубку бросила... Бля-а...

«Ну так, – мысленно отозвался я, – на хрен ты ей не нужен, такой подарочек».

Наверное, из-за шока больше суток мне не хотелось в туалет, хотя пил я довольно много. Но утром второго дня терпеть уже не было сил.

Еле дождавшись санитарки, я сказал об этом. Она молча достала из-под кровати плосковатую эмалированную посудину – как я понял, знаменитую утку, без церемоний сбросила с меня одеяло, правой рукой потянула к коленям мои больничные штаны.

Я инстинктивно стал сопротивляться – слишком как-то резко санитарка действовала, нестарая еще, вполне детородного возраста, – но тут же расслабился, только вздрогнул, когда холодная эмаль ткнулась в ногу.

– Таз-то подними, – проворчала санитарка.

– А?

– Жопу поднял, сказала.

– А, да-да...

Когда утка была подо мной, пустить струю долго не получалось – было стыдно. Санитарка стояла и равнодушно смотрела на мой жидко-волосатый живот...

Стыд приходилось преодолевать постоянно. Я не служил в армии, всегда оставался замкнутым, брезгливым, почти закрытым человеком.

Брезгливость вызывали чужие квартиры, туалеты, полотенца, общественные столовые, вообще любые общественные места. И вот я оказался в нищей больничке, меня чем-то кормили (какой-то вонючий суп, разваренный рис с пресной котлетой или вареной рыбой вроде минтая); меня осматривали, ощупывали. Я все время находился у всех на виду...

Раздражал и одновременно помогал пережить эти дни сосед Костя. Он говорил и говорил, смеялся, шутил, все недоумевал, почему за ним не приезжает жена:

– Я же ей когда еще сказал, чтоб забирала. Адрес назвал. Домой, бля, охота... Я сам-то из Смоленска, после армады сюда приехал работу искать. Охранником взяли. Ну, магазин охранял, потом офисы. Женился, бля... У жены квартира в Красногорске. Нормально все... И вот, бля... Инвалидность оформлю, телик буду смотреть.

Я искоса поглядывал на него, стараясь определить – действительно ли он почти доволен, что ему отрезали ноги, и все, что его беспокоит, это почему не приезжает жена, или же таким образом Костя борется с отчаянием.

Остальные соседи по палате – нас в ней было восемь человек – тоже вроде не особенно горевали. Четверо немолодых мужиков алкашного вида, лишённые ног или пальцев на ногах, по восемнадцать часов в сутки рублились в дурака двое на

двое, полуянец с ампутированными фалангами пальцев на правой руке слушал плеер, а еще один парень лет двадцати пяти, которому отрезали ступни, по полдня азартно ругался со своей, видимо, женой из-за покупки общей машины. Теперь он требовал машину с ручным управлением: «Видишь, как у меня!.. Что я после этого, ездить, что ли, не буду?!»

Никто не убивался, не рвал на себе волосы, не рыдал, не пытался покончить с собой, чтоб не быть калекой. Лишь по ночам раздавались тяжелые, протыкающие душу стоны.

В этой зачуханной больнице я провел неполные шесть суток.

На четвертый день у меня сняли бинты с рук – кожа местами сползла, ногти были фиолетовые, но пальцы шевелились, ломота почти прошла. На щеках и носу кожа тоже облезла, лицо было красное, даже легкое прикосновение к нему вызывало тупую боль, и все же можно было считать, что с руками и лицом все обошлось. А вот нога правая...

Тот врач, которому я заплатил, осматривая ее, хмурился все сильнее, и, хоть ничего не говорил, было ясно, что с лечением у него не получается. А может быть, он таким образом хотел выжать из меня денег еще.

Я бы дал, если бы видел, что он что-то реально делает, но он лишь мазал меня вонючей мазью, менял повязки, самолично колол уколы и ставил капельницу. Чем он мажет, чем колет, я не спрашивал, считая (до поры до времени), что он

знает, что делает.

Но через несколько дней это однообразие стало беспокоить всерьез. Оно вполне могло закончиться словами доктора: «К сожалению, молодой человек, больше ничего сделать нельзя. Необходима ампутация».

А толчком к тому, чтобы я практически сбежал оттуда, стала массовая пьянка, в которой участвовало почти все отделение.

В этот день с утра обстановка в больнице была очень нервная. Оказалось, что сегодня Крещение, и пациенты, санитарки, врачи чувствовали себя обойденными праздником... В обычной жизни я никогда не обращал внимания на Крещение, не замечал, что его отмечают, а тут люди вели себя, как в Новый год, который им приходится встречать у станка.

Первым делом наш врач-христианин устроил истерику Косте.

– И сколько вы еще намерены занимать место?! – с порога закричал он. – Мне людей класть некуда!

Костя забурчал в ответ, что сам бы с радостью уехал, да жены все нет.

– И что?! Вы у нас поселитесь в таком случае? Все, с завтрашнего дня я снимаю вас с питания, а потом велю вывести за территорию. Это больница, а не дом инвалидов!

Костя заматерился, достал телефон и обнаружил, что у того сел аккумулятор. Заматерился громче. Врач завизжал, что не позволит здесь сквернословить. Один из мужиков настой-

чиво потребовал, чтоб оба заткнулись; Костя ему ответил в том же духе... В общем, завертелась шизофрения.

После обхода появилась бутылка водки – одному из соседей накануне принесли родственники. И стоило мне проглотить пятьдесят граммов, я понял, что необходимо выпить еще. Иначе спячу от разъедающих мозг одних и тех же мыслей и от собственной беспомощности... Выпить, начать думать о другом или, если не получится, – о прежнем, но по-другому. А потом уснуть глубоким, оздоровительным сном.

И когда завелись разговоры о продолжении праздника, я спросил:

– А вообще, реально водки купить?

– Да ясен пень, – отозвался тот, чью бутылку мы раздавили. – Сто пятьдесят стоит. Внизу магазинчик, там приторговывают.

Я вынул спрятанную между матрасом и простыней тысячу.

– Вот, купите три бутылки, запивки там, закуски...

Через десять минут водка и остальное было в палате. Сдвинули несколько тумбочек, накрыли полянку. Расположились вокруг кто на кроватях, кто на табуретках.

– Вечернего обхода не будет, так что можно по полной, – сладко, будто это было самое важное застолье в его жизни, выдохнул Виталий, нестарый мужик, которому отрезали обе ступни. – Хоть посидим.

Я хотел было усмехнуться: «Да уж, отметим», – имея в

виду последствия новогодних отмечаний, но вовремя остановился – не стоило напоминать.

Заикнулись, что пресно сидеть без баб, и тут же решили позвать их. Отправили полуюнца Дениса. Долго уговаривать ему не пришлось, и не успели мы выпить по второй, пришли, точнее, приковыляли четыре. Сразу видно – хабалки, но нестарые, симпатичные даже. Мне одна понравилась – стройненькая, со свежим, приятным лицом. Когда знакомились – торопливо и почти одновременно, – я расслышал и запомнил ее имя – Софья. Незаметно было, что ей что-то ампутировали, но ступни были перебинтованы, и она передвигалась с помощью костылей.

Мрачный после стычки с врачом Костя явно положил глаз на нее. Даже поменялся местами с одной из пришедших женщин, чтоб быть рядом с Софьей.

Пили, сначала не очень весело, а потом стали все тупей и откровенней перешучиваться...

– Что, Сонь, – сказал Костя, – поженимся? Мы теперь пара с тобой. Меня жена не хочет забирать... Что, пойдешь за меня?

Софья быстро и цепко оглядела крепкий Костин торс под тельняшкой и улыбнулась:

– А почему бы и нет? Я свободна.

– А у тебя все на месте, лапка?

– Не беспокойся, морячок, самое важное осталось.

– Ха-ха-ха! – загремело в палате...

Водка кончилась мгновенно. Я достал еще тысячу, протянул Денису:

– Купи еще две бутылки. Вино там есть? – Он кивнул. – Вина еще, вот этой нарезки копченой...

До определенного момента застолье было приятным. Выпивка почти не пьянила, зато хорошо оживляла. Разговоры не касались больницы и случившегося с каждым из нас. Но стоило одному из мужиков вздохнуть: «Как же теперь жить-то?» – и понеслось. Жалобы, мат, хватание себя за голову, раскаяние; женщина по имени Ира, с ампутированной почти по колено ногой, жутко зарыдала... От всего этого воя я спасался, глядя на Софью. Мысль пришла, что недаром природа создает красивые лица – они помогают отстраниться от окружающего уродства. Вот смотришь на красоту, и вроде бы смысл есть дальше жить, даже как-то энергетически подпитываешься...

– Э! – болезненный тычок в плечо.

Я качнулся, перевел взгляд в ту сторону, откуда ткнули. Увидел злобноватые глаза Кости.

– Э, ты кончай, – заплетающимся языком посоветовал он. – Соня со мной. Моя невеста. Понял, нет?

И он резко притянул ее к себе, чмокнул в румяную щеку. Софья счастливо засмеялась, глаза блестели, как у школьницы на первой дискотеке.

– Да господи, – сказал я, – на здоровье. – И про себя продолжил: «Какая невеста?! Вы подумайте, кем вы стали, кто

вы. Теперь куда вас повезут, туда и поедете. Или потащат. Инвалиды первой группы... Женихи-невесты».

Конечно, не сказал ничего такого. Старался на Софью эту больше не смотреть. Чаще стал наливать и пить.

А Костя не унимался. Зациклился исключительно на мне. Парил мозг:

– Ты думаешь, я простой такой? Да я почти год в Чечне без смены! Самашки брал! Знаешь село такое?... А, ни хрена ты, бля, не знаешь. Ты вот в армии был хоть, а? Автомат трогал?... Ну и сиди тогда, в дырки сопи... А хорошо мы, слушай, Самашки взяли, грамотно. Потом Ачхой... Воевать интересно. Страшно, бля, но интересно. Кого продырявит, тому, ясно, херово. Больно, орут... А так... Нет, бля, лучший год мой там остался. Я там, – он потряс кулачиной, – я там настоящим человеком был. У меня, бля, автомат был! Надежный компактный акээм!.. Ты слушаешь, нет?! – почти взревел Костя, когда я слишком долго не встречался с ним глазами. – Слушай. Тебе, бля, этого никто не расскажет больше. Я отвечаю!..

Я покивал понимающе, предложил:

– Давай, Костя, выпьем. За всё...

– Выпить – выпьем, – перебил он, – а за что – не надо. Что там?... Со мной всё – пиздос мне. Пиз-дос!

– Да ладно, Кость...

– Заткнись! – Он аж затрясся и побелел; девушка отпрянула. – Ты, блядь, бабло сунул, и заебись. И через неделю

поскочешь отсюда. А я?... Я?! – Стал бить себя кулаками по коленям. – Сучары, суки гнойные! Дайте мне акэем, и я вам всем!..

Я напряженно следил за ручищами Кости, чтобы успеть увернуться, если он решит ударить, и в то же время понимал. вряд ли это получится. Этот парень наверняка умел бить... За столом замолчали. Кажется, ждали драки.

Но Костя поорал и вроде бы слегка успокоился. Предложил:

– Слушай, давай поборемся. – Поставил правую ручищу на тумбочку. – Что, думаешь, вообще я, что ли?... Ну, давай. Давай, бля, не ссы.

Видя, что лучше сейчас ему не перечить, я тоже поставил руку. Костя сжал мою кисть своей. Стало больно, словно я сунул ее в кипяток.

– Раз... два... три! – сосчитал Костя и дернул своей рукой мою.

Дернул так сильно, что меня всего рвануло вправо, я потерял равновесие и упал с табуретки. Кто-то из мужиков хохотнул, женщины айкнули...

– Да что ж ты! – Моя нога не пострадала, злобы на Костю не было, скорее обида – на мои деньги нажрался, ублюдок, и меня же гнобит.

Я дополз до своей кровати, забрался и лег. Смотрел в сторону от компании... Слышал, как Костя радуется своей победе. Потом он опять стал вспоминать о лучшем годе жиз-

ни, о том, как брали Самашки... Я изо всех сил старался не уснуть, опасаясь, что это пьяное быдло вздумает на меня накинуться, и, кажется, очень быстро уснул.

...Ночью слышал на соседней кровати стоны. Стоны были женские. Панцирная сетка равномерно скрипела...

Проснувшись раньше других, я тут же связался с Иваном и попросил срочно забрать меня.

– А где ты? – зевая, спросил он.

– Пятьдесят первая больница.

– А где это?

– А я откуда знаю?! Посмотри в Интернете. Срочно жду. Заплачу тысячу.

Во время обхода я сказал врачу, что выписываюсь. Тот испугался:

– Вам нельзя, курс лечения еще не закончен.

– Я не вижу никакого курса. Выдайте мою одежду, пожалуйста. За мной сейчас приедут.

Врач был разозлен следами пьянки, да и сам, кажется, болел с похмелья. Проворчал:

– Что ж, об этом вы пожалеете. Гарантированы осложнения... Светлана Ильинична, – повернулся к санитарке, – проводите молодого человека в гардеробную.

С мобильником и ключами от квартиры в руке я запрыгал вслед за санитаркой. За спиной грохотал голос врача:

– Ну что, мне в вытрезвитель всех вас сдавать?! Не допились еще?...

При помощи Ивана, который, естественно, офигел от моего вида, добрался до квартиры.

Первым желанием было упасть на тахту, включить телевизор и послать все к черту... Не упал, сел за компьютер. Ожидая, пока тот загрузится, стал рыться в документах в ящике серванта. Крикнул Ивану:

– Подожди меня на кухне. Сейчас поедем.

– Курить можно?

– Да кури...

Я оглядел комнату. Вроде бы все как обычно... Нет, некоторые мелочи уже отсутствуют – не видно Наташкиной любимой сумки из крокодила, которую она не таскала на работу, а брала лишь в театры и в гости; ее большой косметички на своем месте нет, плюшевого зайца, к которому я ее даже ревновал. То есть шутил, что ревную...

Интернет, слава богу, работал. Покопавшись в нем минут десять, я нашел подходящую, кажется, больницу, в которой реально помогут. Набрал номер, заиграла приятная музыка, и тут же, тоже приятный, женский голос произнес:

– ОАО «Медицина». Здравствуйте!

Понадобилось еще несколько минут, чтобы договориться о моем поступлении на лечение.

Потом я выгреб из ящика договоры с банками, среди которых были и номера карт; военный билет, с купленной некогда записью «Годен к нестроевой службе в военное вре-

мя» (военник должен был заменить украденный паспорт); бумажку медицинского полиса (саму карту тоже украли). Из тайника (я любил делать тайники, и не зря, как много раз доказывала жизнь) достал тридцать тысяч рублей... Положил в сумку ноутбук, зарядку для телефона (Наталья ее оставила), новые джинсы, туфли, носки. Вроде все пока...

– Поехали, Вань.

Когда выруливали из двора, я отметил – «Форда» на своем месте не было.

– Куда? – спросил Иван.

– На Тверскую. ОАО «Медицина».

– Знаю. Дорогое место.

– Нога дороже.

Иван неопределенно хмыкнул.

Он был на два года меня младше. Значит, в том две тысячи шестом ему подкатывало к тридцати. И, насколько я знаю, с самой юности он зарабатывал на жизнь извозом. Себя Иван с гордостью называл драйвером.

Мы познакомились случайно года за три до этих событий, – я голоснул, он остановился. Пока ехали, разговорились. Нормальный, простой парень. Живет в Лефортове вместе с матерью, готов за деньги ехать на своем «Фольксвагене» хоть куда и в любое время суток. Меня, помню, позабавило сперва его имя – Иван, – но вскоре я стал замечать, что так зовут очень многих москвичей. Больше, наверное, чем всех оставшихся по России крестьян.

Я был рад, что у меня есть такой помощник, естественно, не в силах предвидеть, какие нагрузки он доставит мне в будущем.

Первые два дня в «Медицине» я, как мог, улаживал проблемы с картами, со своим украденным мобильником. Звонил, просил заблокировать, считать сим-карту недействительной... Решал накопившиеся проблемы по работе (в основном личные проекты). Выручал Интернет, но все-таки деньги на телефоне таяли стремительно; приходилось то и дело пополнять счет.

Ко мне приходили знакомые, несли всякие традиционные вещи – сок, апельсины, яблоки, шоколад. Интересно, что, когда я маялся в пятьдесят первой на окраине Москвы, навещать меня никто желания не изъявлял, а тут один за одним: и Руслан, и Максим с Лианой, и Иван по собственной инициативе, и Олег Свечин (он писал для меня разные статьи за неплохой гонорар); даже Наталья позвонила, выразила сожаление, что все так получилось.

«Медицина» находилась в самом центре, в выходящем на Тверскую переулочке, палаты были одноместные и напоминали номера довольно приличной гостиницы (телевизор-плазма, графика на стенах, чистота, туалетная комната). Кормили четыре раза в день, причем блюда можно было заказывать по своему желанию. Персонал вел себя так, что, казалось, сделает все, что я пожелаю. Медсестры особенно, и

я с трудом сдерживался, чтоб не потянуть какую-нибудь из них на постель. Не для секса даже, а так, посмотреть, как себя поведет. Удерживало понимание: эта внешняя готовность на все – непременная составляющая их работы. Чтобы пациент чувствовал себя центром вселенной. Помнил я и о том, сколько плачу за эту иллюзию... Нет, клиника была отличная, грех жаловаться, как говорится.

А главное – здесь реально лечили. Лечили, спасали мою ногу...

Одиночная палата, это, бесспорно, удобно. Сам себе хозяин, никто не мешает, не лезет. Но через три дня я уже тяготился одиночеством. Телевизор не помогал, Интернет надоел, болтовня по телефону стоила денег, да и не получалось особо болтать в моем положении... Из-за одиночества, видимо, я стал подробно вспоминать, мысленно заново переживать свою жизнь.

Когда у человека изо дня в день все стабильно-нормально, он забывает о давних неприятностях и ошибках, о том, каким был в юности, чего тогда хотел; даже себя нынешнего он как-то забывает. Точнее – не отмечает. Поднимается утром и тут же ныряет в новый отрезок реальности. И словно не было шести-семи часов сна, когда пребывал в чем-то ином... Человек продолжает привычный набор операций, выполняет поставленные накануне задачи, решает возникшие вчера, позавчера, неделю назад проблемы. А чтобы не задумываться о действительно важном, сложном и малоприятном, про-

сто погрузиться в воспоминания, ищет развлечений. А вариантов развлечь себя – тысячи.

Из-за ситуации с ногой набор доступных мне развлечений сократился до минимума, территория самостоятельного передвижения ограничилась несколькими квадратными метрами (дорога до туалета была целым путешествием), и в то же время проблем и вопросов обрушилось столько, что решить все не представлялось возможным, а убежать хотя бы от их части можно было только в том случае, если я конкретно изменю свою жизнь.

Но каким образом изменить? И что именно?

Менять работу – глупо. Она меня не особенно тяготила, а денег приносила все больше.

Что еще? Квартира. Закончить кочевание по съемным и купить свою? Да, надо, сумма на ипотеку наберется... Даже если мои карты пробили – это, в общем, не очень страшно. Основные деньги в банковской ячейке.

Так, что еще можно изменить? С женой, конечно, развод. Буду считать, что это пробный брак. Сейчас такие браки психологи даже рекомендуют. Жаль только, что я так отреагировал на ее измену. Говна-пирога ведь, если здраво обдумать.

Как я написал в самом начале, первым чувством, когда прочитал это эсэмэс, была радость. В душе я давно был готов к разрыву. Но обида в тот момент оказалась сильнее, и из-за нее я оказался на обочине дороги обмороженный, полуживой... Вывод: нельзя обижаться, ни на кого нельзя оби-

жаться, нужно быть злым и готовым получить удар даже от самых близких людей...

Да, да, с Натальей разведусь однозначно. И буду жить один, свободно, буду жить не для кого-то и даже не для собственного, мелкого и частного удовольствия, а как-то более глубоко.

...Лет в семнадцать я был глубже, значительно глубже себя нынешнего. Узнавая мир, я многого от него хотел, предъявлял ему глобальные требования. И себе тоже. Я был уверен, что по-настоящему разумному человеку просто невозможно существовать так же, как большинство. Большинство я открыто называл зомби. Двигаются, работают, пихают в рот что-нибудь, что позволяет им двигаться и работать. Мыслительных процессов я у этого большинства не наблюдал... (Довольно частая позиция вступающего во взрослую жизнь вчерашнего подростка.)

Но кем я стал, к чему пришел к тридцати годам? Чем я отличаюсь от тех, кого называл зомби?... Я, как и все (как и большинство, скажем так), тоже стремлюсь побольше зарабатывать, вкуснее питаться, удобнее устраивать свой досуг, искать новые развлечения, научиться быстрее громить в компьютере вражеское государство или останавливать пуск атомной ракеты фашистами в трехмерном изображении... А когда-то мои цели и задачи были иными. Хотя бы на словах и в мечтах.

Я любил разговаривать о больших проблемах, любил

удивлять, шокировать скучное большинство. За это, наверное, Наталья меня тогда и полюбила. По крайней мере, ей нравилось быть со мной, слушать меня, она старалась отзываться на мои мысли. Я ловил эти отзывы и вдохновлялся еще больше. (Вторая моя девушка, Вера, была равнодушной, для нее главным были танцы и мягкий секс после них.)

А теперь... За три года со мной Наталья ничего интересного и большого не услышала. Обычная жизнь обыкновенных людей. Клетки мозга тратятся на выбор продуктов в супермаркете, на размышления, стоит или не стоит смотреть такой-то фильм в кинотеатре, и на тому подобную бесконечную херь... И вот полюбовалась она на меня, на ту жизнь, которая ей уготована, и стала искать другого. Того, кто если и не станет говорить ей о большом, то уж точно будет это большое делать.

Я изо всех сил желал ей неудачи, надеялся, что она прибежит ко мне и будет просить прощения, и я не прощу. «Все, разводимся, – скажу сухо и четко. – Предала раз, предашь еще». Да развестись, разбежаться, забыть друг о друге. Слава богу, детей завести не успели.

Но все же я чувствовал долю своей вины в случившемся. Когда женщина видит, что ее мужчина успокоился, он перестает представлять для нее интерес... Кажется, нечто подобное пытался объяснить мне Руслан, когда я прибежал к нему в тот вечер...

И чем мне заняться, когда я останусь один? То есть – бу-

ду свободен. Конечно, займусь обустройством своей личной жизни. Квартира, машина, удобные и нужные вещи. Техника. Но я не об этом. Без чего-то большого даже самая обустроенная жизнь очень быстро превратится в отвратительную преснятину. Стопудово.

(Может быть, я был не прав, да, в сущности, и оказался не прав, но тогда, на кровати в одноместной палате, я уверял себя, что иначе и быть не может, и искал в уме то большое, что придаст жизни смысл.)

В юности я увлекался французской литературой двадцатого века. Не литературой даже, а контркультурой, которая на некоторое время стала культурой. Пиком этого процесса стал шестьдесят восьмой год, о котором я собирал любые сведения. Даже папочку специальную завел для вырезок из газет и журналов, перечитывал их десятки раз. Покупал книги сюрреалистов, Селина, Сартра, Камю, долго гонялся за сборником материалов о ситуационизме... Все это в начале девяностых было еще редкостью...

Я увлекался этим периодом не просто так – в то время (а это был девяносто первый – девяносто третий годы) я был уверен, что и в России рванет молодежная революция наподобие парижского мая шестьдесят восьмого. И все политические, экономические кризисы это только подтверждали. Я ожидал ее, эту революцию, рассказывал о ней своим друзьям и знакомым, приводил в пример Францию, которая стала совсем другой после шестьдесят восьмого; я даже в меру сил

старался приблизить ее.

В октябре девяносто третьего примчался в Москву на своей «Ниве», желая участвовать в массовых акциях, быть в авангарде, а вместо этого пришлось развозить по больницам пьяное быдло, не понимающее, за что его подстрелили возле «Останкино». «Я хотел поглядеть... Я ни при чем... Я просто...»

Тогда, в общем-то, и началось мое охлаждение к политике, к изменению общественной жизни; к книгам Сартра и прочих я обращался все реже. А окончательно все это забросил после президентских выборов девяносто шестого. Тогда стало ясно, что ничего не будет, никому больше не нужны перемены. Сотенка левачков вокруг Лимонова – не в счет. Да и они действовали осторожно; напоминали мне клапан в скороварке, при помощи которого выпускают пар, а не настоящих революционеров.

Именно после избрания на второй президентский срок никакого уже Ельцина молодежь наконец-то поняла, что надо зарабатывать и делать свою собственную жизнь. Делать жизнь по примитивной, но единственно возможной схеме. Альтернатив уже не было.

Я тоже стал жить, как большинство. Больше не мечтая о революциях, не пытаюсь что-то изменить, даже не желая слишком быстро обогатиться. Слишком быстрых очень часто увозили тогда на кладбище... Я зарабатывал свои копейки, когда их собиралось достаточно, тратил то с Натальей,

то с Верой в более-менее пафосном кабаке. Я почти перестал читать, много времени проводил перед теликом или за компьютерными играми.

Когда Руслан пригласил меня в Москву, я слегка воспрянул духом. Взял с собой десяток любимых книг, перевозил их с одной квартиры на другую, но не открывал. Было не до них. Правда, в Москве я узнал о существовании Чака Паланика, Уэлша, Рота, Уэльбека. Их книги раздражали и провоцировали взбунтоваться против существующих, не очень старых, но уже незыблемых норм.

Бунт клокотал во мне, но не прорывался наружу. Я ходил по Москве, сидел на работе с непроницаемым лицом, а внутри был Американским психопатом – мысленно я убивал своих убогих коллег, разрывал на куски прохожих, насиловал тупых сучек и глотал человеческую кровь.

А потом, на похоронах одноклассника Жени (его убили во время борьбы за сеть мобильной связи «Волга-плюс»), я встретил Наталью. Мы вспоминали прошлое, грустили по нему и пришли к выводу, что тогда нам было лучше всего, и решили пожениться... Со второй бывшей подругой я давно потерял контакты и не искал путей их восстановить.

В апреле две тысячи третьего года мы отметили свадьбу в нашем родном городе и уехали в столицу на подаренном родителями Натальи «Форде» в снимаемую мной «однушку». С год жена прошуршала в секретаршах в одном крупном банке, а потом неожиданно (для меня, по крайней мере)

скакнула в руководители секретариата. (Видимо, тогда-то ее и выделил из всех этих поджарых самок нынешний любовничек.)

Прожили мы вместе почти три года, постепенно покрываясь теплым жирком семейной размеренности. Утренний кофе, работа, созвоны, планирование вечера, кинотеатры в выходные в первой половине дня и клубы, кабаки или спектакли вечером. Сервисный осмотр машины два раза в год, поездка в Париж вскоре после свадьбы и воспоминания об этой поездке годы спустя. Короткие туры в Хургаду и Прагу. Нечастые мои алкогольные срывы, нечастые Натальины истерики. Осень и декабрь две тысячи пятого были совсем спокойными и мирными. Мне показалось тогда, что мы окончательно увязли в уютной тине, а Наталья, оказывается, нашла себе настоящего (или представившегося ей настоящим) мужика и готовилась порвать со мной, наверное, выбирая момент... Может, и мобильный оставила на виду, чтобы я залез в него, прочитал и все понял...

Зря я психанул тогда, нажрался и нажил себе кучу проблем. Хотя наверняка это имело смысл – и обочина подмосковной трассы, чуть не отрезанная нога, украденные документы, больничные койки... Наверняка судьба дала мне какой-то знак. Скорее всего, дала знак, что нужно задуматься и изменить жизнь. Отношение к жизни.

Вот такими мыслями была забита моя голова в те дни. Я

обсасывал их, пережевывал в мозгу с такой тщательностью, с какой могут только лежачие больные или осужденные на одиночное заключение.

Я то и дело включал или телевизор, или компьютер, но очень быстро гасил. Думать было не то что приятнее, но нужнее, чем пялиться в экран. Многие часы я занимался тем, что представлял себя валяющимся на обочине, с ужасом и одновременно любопытством фантазируя, что бы со мной случилось, пролежи я там еще пять минут, десять, полчаса. В кого бы я тогда превратился... Как-то их называли, этих безруких-безногих... Самовары, кажется. Лучше бы тогда уж было просто замерзнуть.

Но я не замерз и даже, кажется, не очень пострадал. По крайней мере по сравнению с тем, что могло бы быть. Что произошло с большинством других пациентов пятьдесят первой... Наверняка через пару недель я вернусь в то физическое состояние, в каком был до катастрофы. И постараюсь начать новую жизнь. Осмысленную, всерьез...

Подпитку моим планам (не планам даже, а желанию) давали визиты журналиста Олега Свечина.

Сам он, правда, журналистом себя не считал. Без увлечения и рвения работал в малозаметной газете, освещающей литературные будни Москвы и отчасти остальной России, получал тысяч двенадцать в месяц. Время от времени по моему предложению он писал статейки и рецензии, но так как в этих статейках и рецензиях чаще всего нужно было хва-

лить людей и книги, мероприятия, у него редко бывали удачи. Хвалить Свечин не умел, сбивался на сарказм... Своим призванием он считал фиксацию в прозе окружающей реальности, типов людей. Реальность и типы получались мало-симпатичными.

Раза два-три в год в толстых журналах, о существовании которых сегодня знают, по-моему, сотни три чудаков по всей стране, появлялись свечинские повести и рассказы, беспроблемно похожие друг на друга: о полунищих индивидах, живущих то в Москве (где жил сейчас автор), то в Абакане (откуда он был родом), то в Питере (где когда-то учился в ПТУ месяца три), то в деревне (где когда-то бывал). Эти индивиды тяготились своей полунищетою, ныли и рычали, но выбраться из нее не пытались.

За десять лет писательского труда в столице (писал он вообще, если верить его словам, с детства) Свечин сумел выпустить три книги по три тысячи экземпляров, за которые ему в общей сложности заплатили (по его же словам) две тысячи семьсот долларов... Деньгами Свечин дорожил, помнил, кажется, сумму каждого гонорара, каждой халтуры.

Жил он, как я смог понять, жизнью своих героев, если не считать того, что был способен передавать на бумагу эту жизнь безъязыкого большинства, их примитивные переживания, уныние от повседневности. Передавал вроде бы достоверно, – Свечин очень гордился статейкой о себе под названием «Лишний писатель», где некий критик негодующе

задавал приблизительно такой вопрос: «Кому и зачем нужны книги автора, не способного придумать самого элементарного сюжета?!»

На самом деле положение Олега Свечина было довольно-таки завидным. У его жены была кооперативная двухкомнатная квартира (правда, обитало в ней четыре человека – Свечин с женой и их дочери – восьми, кажется, и полутора лет); он имел высшее образование (окончил Литературный институт) и, если бы хотел, мог бы найти нормально оплачиваемое место.

Но ему, видимо, нравилось, точнее, было необходимо для писания его текстов состояние, когда денег все время не хватает, из-за их нехватки невозможно отдохнуть на море, расслабиться (за свой счет) в ресторане, купить понравившуюся вещичку и тому подобное... Свечин обычно пребывал в раздраженном состоянии, на вопрос, который я иногда ему задавал, больше из вежливости, чем из любопытства: «Что сейчас пишешь?» – отвечал одинаково ворчливо: «Какой смысл писать? Хочется нормально пожрать». А спустя месяц-два сообщал тем же ворчливым тоном: «Взяли в «Новый мир» (варианты: в «Дружбу народов», в «Знамя», в «Континент») повестушку. Два авторских листа. Хоть с гонорара по коммуналке долги заплатить...»

Он никогда не был доволен окружающим миром, людьми, своей судьбой. Раньше это в основном заставляло негодовать, а теперь, когда жизнь долбанула меня со всей дури, я

слушал его ворчание и бурчание почти с удовольствием. Хотя вроде бы должен был, наоборот, негодовать сильнее прежнего, – сидит рядом здоровый тридцатипятилетний мужчина, по своей воле находящийся в хронической полубедности, и твердит, что мир и люди – дерьмо, что с судьбой и временем ему не повезло... Да ничего он про дерьмо не знает; вот со мной действительно дерьмо приключилось, вот мне судьба преподнесла сюрприз... Но я слушал, кивал, поддакивал и в душе тихо радовался – даже непонятно, чему именно. А когда Свечин собирался уходить, искренне просил навестить меня завтра.

«Может, навещу, – бурчал тот, – если не нажрусь. Состояние такое, хочется взять литруху, влить и свалиться».

Однажды после таких слов он не вышел из палаты, а продолжил. И у нас получился довольно-таки содержательный разговор, который затем довольно долгое время я воспринимал как прелюдию к началу своей новой, осмысленной жизни.

– ...вливать и свалиться. И пусть все оно катится. С какого хрена я должен сопротивляться? – Свечин устало, будто сутки вкалывал, потер пальцами переносицу. – Зачем мне это? ... Вот критики меня ругают, что у меня сплошные серые будни в вещах. А где разноцветное, яркое? Где яркие люди вообще? – Он с полминуты сердито смотрел мне в глаза, будто именно я должен был дать ответ. – Любой яркий человек, пожив немного, покрывается серостью. Неизбежно...

Конечно, мы для чего-то рождаемся, кроме того, чтоб жрать и трахаться, не зря же отличаемся от животных... Только где она, цель? Именно человеческая... Да нет, при желании, в общем-то, и цель каждый может найти для себя, придумать. Цели-то есть, только, чтоб достичь их, нужна неимоверная крепость. Столько по башке настучат, пока ее достигаешь. Или даже готовишься достичь... Да и кто достиг? Единицы, которые и поменяли развитие человечества. И то временно. Человечество же неизбежно сползает в скотство. И чем больше у него появляется удобств, тем стремительней оно сползает. Вот посади человечество перед телевизором, оборудуй ему место, чтобы, не поднимаясь, могло отправлять все свои потребности, приноси еду и снабжай пивом, чипсами, рыбкой, и оно будет торчать перед этим телевизором. И проторчит от рождения до смерти. Согласись.

– Наверное, перед теликом надоест, – ответил я. – Перед компьютером – вполне.

– Ну, перед компьютером. Разницы, принципиально, немного. Это только кажется, что, сидя за компьютером, мозгами шевелишь. С кем-то там дискутируешь, новости получаешь, ломаешь голову, как на следующий уровень в сложной игре перейти... Та же фигня, что и телевизор. Но телевизор лучше, то есть – убойней. Сделать десяток разных интересных каналов, выстроить сетку передач, и будет не оторваться. Да и сейчас от телевизоров в основном отрываются, потому что жрать хотят, в туалет сходить. А если эти потреб-

ности на месте удовлетворять... В телевизор можно пялиться не шевелясь, не думая, просто впитывать, что показывается, и тут же новым заменять.

– Но многие, знаю, выкидывают телики, – вспомнил я. – У меня знакомые есть...

– Это только подтверждает! Чувствуют угрозу и стараются защититься. Но это, во-первых, не «многие», а все-таки единицы в масштабах человечества... Наверное, четверть населения Земли еще и телевизор в глаза не видела... А во-вторых, посади этих выбросивших на неделю перед экраном, и подсядут.

Я усмехнулся:

– Думаешь?

– Да уверен. Главное, грамотно выстроить каналы. Одни на футбол подсядут так, что не оторвешь, другие – на биатлон, третьи – на «Тайные знаки» всякие. И так далее.

– Но ведь это печально. Со мной такое произошло, – я кивнул на ногу, – и я даже немного рад. Это знак, наверное, что жить, как прежде, больше нельзя. Я довольно примитивно жил...

– М-да, – согласился Свечин, – в будни старался побольше заработать, чтоб в выходные получше отдохнуть.

– Ну, почти... Были какие-то цели, но мелкие... В последнее время даже особо и не задумывался, как отдыхать. Дома с женой сидели, заказывали роллы, пиццу... Шевелиться вообще не хотелось... С женой когда долго живешь – умом

понимаешь, что надо ее развлекать, удивлять, а так посмотришь – нормально вроде, живем и живем... Какая-то успокоенность. И оказалось, что все это зыбко на самом деле и рухнуло в пять секунд.

– Вообще все зыбко. Особенно – благополучие.

– Это уж точно... Но хорошо, что рухнуло. Главное – с ногой, кажется, обошлось. А что жена ушла, только плюс. – Ситуация располагала к откровенности, да и раньше я был со Свечиным достаточно откровенен – мы частенько выпивали в «Елках-палках» на Садово-Триумфальной, разговаривали. – Я и сам подумывал, что нам надо расходиться. Пустота была полная... А теперь лежу и думаю, что надо по-другому жизнь выстраивать. Изменить... Я тебе ведь рассказывал, как раньше жил. То есть – как хотел жить, что читал, чего ждал, чем увлекался...

– Ну да. Вернуть хочешь?

– Вернуть вряд ли. В тридцать лет трудно что-нибудь возвращать. Но как-то полнее жить вполне реально. Я ведь ни одной книги за последний год не прочитал, кучу наверняка нужных фильмов пропустил. Которые в широком прокате не шли... Жене комедии нравились, на них ходили, по ди-види смотрели... Да вообще – как-то по-новому надо.

Мне трудно было сформулировать, но Свечин понимал (или делал вид, что понимает), поддерживал:

– Давай, это правильно. Действительно, судьба тебе показала, что вот бывают такие зигзаги не только по телевизио-

ру. Это неспроста. – И он неожиданно предложил: – А давай свой журнал замути́м? У меня есть знакомые ребята – писатели, поэты, философы даже. Не как я, а бодрые, активные. Публикуются, но в разных журналах, среди всякой шняги, поэтому и эффекта нет почти. А они такое пишут!.. Да и я могу, просто условий нет. Если какой-то просвет почувствую, тоже напишу про этот просвет... Или тьма пусть. Но такая, чтоб полная. А тут ни просвета, ни тьмы, а серятина... В этом вся проблема. Поэтому так и прозябаем. Надо ее разогнать. Журнал для этого – самое то. Такой, чтоб у людей волосы дыбом вставали. Согласись... Ты ведь, говорил, тоже писал. Кажется, про молодежный протест. Да ведь?

Я кивнул без особой энергии. Выжидал, что Свечин скажет дальше. А в голове завертелось: журнал, в нем смелые стихи, рассказы, манифесты, мои эссе о Бретоне, о Красном мае. Они существуют, я написал их лет десять-двенадцать назад, привез в Москву. Набрать на компе, подправить и издать. Наверняка произведут впечатление – я написал их в то время, когда хотел перевернуть мир...

А Свечин, раскочегарившись, толкал уже новые проекты: – Или фильм снять. Авторское кино. Вон «Пыль» за копейки сделали, а резонанс какой!.. Снять, на дисках выпустить... Можно группу собрать. Я ведь когда-то в панк-группе пел. У себя там, в Абакане. Даже фаны были, на фестивали нас приглашали... Тексты свежие есть, музыканты знакомые, которые не против. Толчка не хватает... Собраться,

студию найти, порепетировать, альбом записать. И концерты можно устраивать. Сейчас не хватает рок-музыки новой, все какую-то мутотню поют... Хочешь, стань нашим продюсером. Я уверен – дело и выгодное, и интересное.

– Из меня продюсер! – хмыкнул я; это предложение рассмешило и отрезвило. – И где деньги для журнала, для фильма? Тут каждый рубль в поте добываешь...

Свечин посмотрел на меня, как взрослый на врущего подростка. Мне показалось, что сейчас он скажет: «Да ладно гнать! Знаю я про твои закрома». Но прозвучало другое, хотя почти в том же духе:

– Денег особо много и не требуется. Желание – главное. Катализатор. Людей, которые что-то делать хотят, полно, ждут толчка... И в политике вон бурление. Слышал про ОГФ? Объединенный гражданский фронт. Гарри Каспаров оппозицию объединяет. Марш несогласных в декабре провел. Вот туда бы влиться, как творческая сила...

Я отмахнулся:

– А, детский сад эти марши. – Вообще этот разговор стал меня утомлять, и пусть завуалированное, но покушение на мои деньги напрягало. – Кучка лузеров...

– Сегодня кучка, а завтра тысячи.

– Ну, это вряд ли. Да и что эти тысячи? Вот, помню, в октябре девяносто третьего десятки тысяч были. Дали по ним очередь из пулемета, и они растворились. В девяносто шестом спокойненько Ельцина на второй срок пустили.

– Десять лет прошло. Силы снова скапливаются. Прошлый год показал, что раздражение растет. И творческие силы в стороне не должны прятаться. Сам же когда-то рассказывал про Францию, про студенческую революцию. Ее ведь готовили, общество созревало. И долбануло в итоге... Лучше, если мы будем в авангарде, а не кто-нибудь... Это, – Свечин подмигнул и таинственно понизил голос, – это часто бывает выгодно. Согласись.

– В принципе да. А можно и под пулю попасть... Впрочем, о журнале можно подумать...

Сейчас, вспоминая этот разговор, да и другие похожие, каких было у нас со Свечиным немало в те дни, хочется смеяться. Невесело, саркастически. Два взрослых мужика (одному тридцать пять, другому тридцать два), не пьяные, не очень хорошо друг друга знающие, сидят и базарят час, другой о подобной фигне. И главное, вполне искренне.

Свечина можно понять – такие люди, годами находящиеся в вынужденной (хотя в основе своей – добровольной) аскезе, любят помечтать, а если вдруг повезет, войти в какое-нибудь денежное дельце. Тем более, если оно позиционируется как борьба с чем-то устоявшимся. Чтоб одновременно и подзаработать, и показать, что упорно движешься против течения.

А я? Конечно, не случись со мной этой беды с обморожением, не шибани по голове измена жены, я бы не стал тратить время и эмоции на подобный треп. Но в тот момент он мне помогал. И что самое удивительное – в последующие

четыре года я время от времени заражался планами Свечина, Ивана, девушки Ангелины, даже готов был вложить в их осуществление деньги. Слава богу, не вкладывал... Да нет, ничего удивительного – всерьез обсуждая какой-нибудь бредовый проект, я спасался то от одиночества, то от приступов осознания бессмысленности жизни.

Олег Свечин навещал меня почти ежедневно. Так же часто приходил одноклассник Максим и тоже вел долгие беседы.

Он всегда меня поражал – в школе учился кое-как, в универе не появлялся неделями, когда работал, то брал отгул за отгулом, но умудрялся вызывать у учителей, преподавателей, начальства симпатию и снисходительность. Короче, ниоткуда его не вышвыривали (в школе за четверть ставили натянутые четверки), в крайнем случае уговаривали взяться за ум.

Университет Максим бросал раз десять, но как только выказывал желание продолжить учебу, его тут же восстанавливали. В итоге за пятнадцать лет окончив четыре курса, он уехал в Москву.

Здесь Максим продолжил жить в таком же стиле... Есть особый вид людей – симпатичные распиздяи. Вот Макс – один из ярчайших представителей.

На первом курсе он познакомился с джазовой певицей Лианой, девушкой на два года его старше, армянкой, доче-

рю богатого и довольно известного в нашей городе бизнесмена. Они стали дружить, Лиана, видимо, его всерьез полюбила – прощала Максиму его распиздяйство, безденежье, игру на автоматах (он мог просадить все до последнего рубля), даже хоть и не совсем доказанные, но почти явные измены.

В две тысячи первом Лиана переехала в Москву. Ей пришло в голову, что в столице она как певица добьется большего, чем в нашем областном центре... Она занималась вокалом с детства, брала уроки у известных преподавателей, нанимала музыкантов для репетиций и записи демо, тратила на это кучу папиных денег.

В Москве сняла квартиру, продолжила петь, показывая, что готова нести немалые финансовые расходы. Музыканты, владельцы студий, звукорежиссеры этим активно пользовались – за любую мелочь Лиане приходилось платить тройную цену.

Вскоре к ней приехал Максим, при помощи знакомых устроился редактором на «РТР». Работа была халявная – подправляй поступающую информацию, подбирай нехитрые синонимы, чтобы, скажем, слово «визит» не повторялось слишком часто, в исключительных случаях делай передиктовку – и получай за это приличную зарплату.

Но через несколько месяцев Максим закапризничал – скучно. Его сделали репортером передачи «Дежурная часть». Репортером он пробыл совсем недолго – мотаться по

Москве, смотреть на трупы, брать интервью у тех, кто полчаса назад убил человека, а то и нескольких, оказалось слишком тяжело. Макс стал довольно сильно пить, жаловаться на кошмары, и его перевели в ведущие этой программы. Теперь пять раз в неделю он появлялся на экране, рассказывал, где что взорвалось, где кого убили, какие автокатастрофы произошли, но сам уже на места не выезжал. Получал около восьмидесяти тысяч чистыми; деньги почти сразу и почти все проигрывал.

Да, пожив вместе некоторое время в Москве, Макс и Лиана поженились; Лианин папа купил молодым квартиру в новостройке в Кунцеве...

Любой человек, посмотрев на жизнь Макса, сказал бы, что он как сыр в масле. И очень бы удивился, узнав, что этот человек постоянно плачется, как ему тяжело, как ему не по душе работа, жена, Москва и остальное.

– Достало все, так, блин, достало, – ныл он, сидя рядом с моей кроватью. – Психика расстроилась, бухаю каждый день. Но как бухаю – бухаю и помню, что завтра в одиннадцать на эфир бежать, рожа должна свежей быть... Мучение, а не бухание... И Лианка еще... – Максим кривился. – Изворчалась вся, всем недовольна.

– Я бы тоже был недоволен, если б мой муж... – Я кашлянул, услышав в этом сравнении нечто абсурдное. – Ну, если б человек, с которым я живу, всю зарплату за один вечер спускал и еще пил бы так...

– Не в этом дело. Просто достали друг друга.

– Ну, это мне знакомо, хе-хе. – После собственных неприятностей я не мог слушать такие жалобы без ехидного смеха.

– Домой вернуться хочу, – нудил дальше Максим. – Лену помнишь? Я вас знакомил, когда ты приезжал тогда...

В памяти мелькнуло нечто почти совершенно забытое:

– Лет пять назад?

– Ну да, да... Хорошая девочка. Ждет меня до сих пор. Понимаешь?... Столько здесь прожил, а не могу привыкнуть. Тошно, все давит. А она там. Классная ведь девочка?

Я неопределенно качнул головой... Какая-то скромная малолетка... Кажется, один раз с ней и встречался – посидели в кафешке на набережной. Она молчала, смотрела на Макса, как на что-то прекрасное... Лиана тогда уже свалила в Москву, и Макс, почувствовав свободу, отрывался по полной.

– Зря я женился, – по новой заныл он. – Мы ведь с Лианкой уже там, дома, на грани расставания были. А несколько месяцев не виделись и решили, что эта тяга друг к другу – любовь. И вот...

– Не замечал. Вы вроде душа в душу... А может, и с этой так же получится. Сейчас тянет, а через пару лет...

– С Леной?! – Макс аж подскочил на стуле. – Нет! Нет, с ней все серьезно. С ней – навсегда!

И он клялся в любви к этой Лене, клялся так горячо, будто я был тем, от кого зависело, дать ли ему развод с женой

и допустить ли до этой девочки... Мне вообще-то было по барабану, тем более что я не верил в реальность каких-то действий со стороны Макса. Он никогда не делал решительных шагов. Скользил по жизни, не падал, но не скользить не пытался. (Оказалось, что я ошибся – Максим сделал в конце концов этот шаг, но какой-то страшно запоздалый, и так хряпнулся, что вряд ли поднимется.)

В тот момент меня больше всего заботили личные проблемы, и я расспрашивал его о Наталье, о том, к кому она ушла.

– Да я не в курсе почти, – морщился он; ему явно хотелось говорить лишь о своей любви.

– Ну хорош гнать. Лианка с ней наверняка по полдня перетирают.

– И что?

– Что! Ты не на Луне живешь... Давай рассказывай.

– Ну, солидный человек. За сорок... Двое детей... Ушел, кажется, развод оформляет... Живет с Наташкой теперь... Член правления банка, где она работает... Любят друг друга...

– Любят, блядь!.. – Я сжимал кулаки; было обидно. – Я им устрою любовь!

– Не надо, – как-то жалобно отзывался Макс.

– Что – не надо? Почему?

– Да разбегитесь мирно, и все будет нормально. Найдешь девочку...

– Сейчас мне на хрен никого не надо. Я бы всех их в одну

яму... Твари!

Максим начинал дрожать:

– Не смей! Не все такие. – И снова пытался загрузить меня своей песней о Лене. Какая она скромная, верная, настоящая...

Я лежал на удобной ортопедической кровати и уже не слушал. Очень хотелось выпить. Очень хотелось скорее выздороветь и начать что-то делать.

Но нога заживала медленно – порой я начинал сомневаться, действительно ли врачи дорожкой «Медицины» делают все возможное. Вполне могли затягивать, выкачивая денежки... Полторы недели я там пролежал; ухудшения не наблюдалось, но и сказать, что начал бегать и прыгать, тоже нельзя. Так, ковылял кое-как, стараясь не налегать на правую ногу всем весом.

Дней через десять я стал навязчиво интересоваться у врачей: идет ли улучшение? Возможна ли гангрена и прочие ужасы? Врачи оптимистически восклицали, что налицо явный прогресс, и после паузы добавляли: «Но выписываться еще рано. Необходим уход».

И когда торчать в палате стало невыносимо, а денег заметно убавилось и новых из-за моего пребывания здесь не появлялось, я спросил прямо: «Можно ли продолжать лечение дома?» Врачи засмутились, сдвинули брови, попереглядывались и ответили, что «в принципе можно».

Я выдержал еще сутки, а потом позвонил Ивану.

Следующим утром мою ногу в последний раз осмотрели, выписали мази, назначили амбулаторные процедуры и, явно сожалея, выписали...

Все предыдущие недели я очень хотел оказаться в своей квартире, но как только оказался, навалились те же чувства, которые рвали меня в тот вечер, когда читал эсэмэски. И квартира показалась капканом.

– Вань, подожди, – попросил, – не уезжай. Давай до «Седьмого континента» доскочим. Еды надо купить... выпить чего.

Тот согласился, конечно, – знал, что я приплачу за эту услугу.

Мы набили с ним две тележки продуктами и бутылками, сгрузили в багажник «Фольксвагена», кое-как доставили ко мне на седьмой этаж.

Я сунул Ивану тысячерублевку, замкнул дверь и стал изучать обстановку в квартире.

Было ясно, что с тех пор, как я побывал здесь в последний раз, больше никто не появлялся. Ни Наталья, ни хозяйка... Все вещи жены находились на своих местах. Одежда, обувь. Даже норковая шуба висела в шкафу... Значит, гниду там обеспечили...

Это меня еще сильнее разозлило. Захотелось собрать шмотье и выкинуть. Чтоб никаких следов... Я прохромал на кухню – нужно было выпить. Увидел на полу пакеты, в кото-

рых таяли пельмени, креветки, блинчики, и стал засовывать их в морозильник. Потом занялся очищением полок холодильника от старой еды. Вылил в унитаз суп, который Наталья сварила полмесяца назад, отнес в мусоропровод загнившие мандарины, побуревший кусок докторской колбасы, покрытые плесенью помидоры, наверняка еще вполне съедобный сыр. Заметил в прихожей порванные, с отпечатками пятток домашние тапки жены и тоже спустил по трубе. Потом туда же – полотенце, в котором Наталья вышла тогда из ванной... Да, от многого хотелось избавиться. От всего, что напоминало о том времени. Той жизни.

С трудом остановил переходящее в истерику наведение порядка; включил альбом группы «Сансара» и стал пить.

«Всё, дальше некуда – дальше ряд зве-оозд», – вязко текло из колонок, а я бросал в себя водку рюмка за рюмкой.

В те дни я совершил, наверное, самую большую ошибку; во многом из-за нее и сижу сейчас, запершись на все замки, боясь зажечь свет, вынув сим-карту из мобильного и отключив городской телефон...

Конечно, после недель в больницах я погрузился в запой. Нужно было выжечь неприятности и беды. Но запой был не черный – я не забывал ухаживать за ногами, при помощи Интернета и телефонных переговоров зарабатывал деньги (конечно, не такие большие, как если бы бегал по городу, лично встречался с людьми), и, главное, – всерьез занялся покуп-

кой квартиры. Была уверенность, что свое жилье на сто процентов изменит мое положение и я похороню прошлое.

В нынешней однушке я находиться попросту не мог – все напоминало о жене, ко всему прикасались ее пальцы. Переезжать в очередной раз на съемку представлялось глупостью: из нее тоже рано или поздно придется съезжать, а сумма для ипотеки имелаась, и варианты появились еще до разрыва с Натальей, – вяловато, правда, но я присматривал подходящую двушку, а то и (но это у МКАДа, а то и за ним) трешку еще с прошлого сентября.

К тому же все, с кем я ни заговаривал о покупке квартиры – от Руслана до Ивана, – оказывается, следили за рынком жилья и утверждали, что покупать нужно срочно, так как ожидается серьезное подорожание... И я решил поторопиться.

Об одной важной детали совсем забыл в тот момент – формально я продолжал быть женатым, и жена, уже мне чужая, далекая, почти не существующая, имела равные со мной права на «совместно нажитое имущество»...

Через несколько дней после выписки из «Медицины» нога перестала меня тревожить. Розовые пятна бледнели, отеки рассасывались. В общем-то я почувствовал себя совсем здоровым, но тем не менее продлил бюллетень еще на неделю.

Эта неделя ушла на выбор квартиры и начало оформления ипотеки. Выбрал я быстро – двухкомнатную в относительно новом кирпичном доме на Шестой Кожуховской улице. Грубо говоря, совсем недалеко от центра.

Сама квартира понравилась мне еще осенью – даже Наталью свозил туда, – но вот подъезд, этаж (последний, девятый), да и сам район с его населением – в основном бывшие рабочие ЗИЛа и АЗЛК – удержали тогда от того, чтобы заключать договор и выкладывать деньги. Вдобавок и большой спешки в покупке квартиры я осенью не чувствовал; я искал варианты, присматривался больше под нажимом, но тоже не очень-то настойчивым, жены. А вот теперь схватился за эту двушку мертвой хваткой.

Владельцами ее были сириец, его русская жена и их сын лет пяти. У сирийца заканчивался контракт в России, и он возвращался с семьей к себе на родину.

В начале февраля, когда я позвонил им узнать, продается ли еще квартира, сириец так энергично ответил «да!», что я понял: его прижало. В тот же день мы встретились и начали переговоры.

Оформление ипотеки – дело долгое. Пока банк проверит мою кредитоспособность, кредитоспособность поручителя, пока то да сё; к тому же были проблемы из-за перепланировки... В общем, месяца четыре, по крайней мере, нужно ждать, а сириец уезжал в середине марта.

Мы договорились, что я переберусь в квартиру к этому сроку, месяц-два буду ее снимать за символические деньги, а потом сириец прилетает в Россию, и мы подписываем договор, происходит расчет. Меня это устраивало...

Забегая вперед, скажу, что по условиям договора я выло-

жил пятьдесят тысяч долларов, остальные семьдесят заплатил за меня банк, которому я обязывался вносить по шестьсот долларов в месяц. Плюс к тому пять тысяч долларов я заплатил хозяевам напрямую за оставшуюся в квартире мебель (шкафы, столы, двуспальная кровать с тумбочками и трюмо, разная мелочь) и технику (холодильник, плита, посудомойка, джакузи).

Я был очень рад и сумме, за которую получил квартиру, и той легкости, с какой состоялась сделка... Конечно, я не подписывал документы не глядя – предварительно показал их двум знакомым юристам, они изучили и сказали, что все чисто. Банк тоже был надежный, никакого компромата я на него не нарыл. Судя по информации (я долго шарил в Интернете, недовольных не было.

Но это было позже, а пока я только возвращался в окружающий мир.

Тринадцатого февраля вышел на работу. Встретили меня хорошо, можно сказать, даже с радостью. Одна девушка из отдела, Оксана, подарила иконку Николая Угодника... Еще недавно любые попытки заговорить со мной на религиозные темы я сразу же пресекал цитатой из Свифта: «Религия – болезнь души», – а тут заулыбался и стал благодарить. Дома поставил иконку на полочку...

Постепенно готовился к освобождению нынешней однокомнатки. Пятнадцатого марта должен был переехать на Ко-

жуховку, а двенадцатого, в воскресенье, позвонила Наталья. (Наверняка через Макса, Лианку или Руслана с его Мариной она была в курсе моих планов.)

– Привет, – в ее голосе слышалась осторожная виноватость. – Как здоровье?

– Прекрасно! – Я как раз ходил по квартире, выбирая глазами, что взять с собой, а что выбросить. – У меня все отлично.

– М-м, рада за тебя... Я вот что... Мне нужно вещи забрать. Я без тебя не хотела...

– Я уже больше месяца дома. Почему сегодня?

– Ну, надо когда-нибудь. – Она стала терять виноватость. – Так что, мне можно приехать?

Я сделал паузу, давая понять, что сомневаюсь, а потом неохотно разрешил:

– Приезжай. – И еще после паузы: – Замок тот же, а ключ у тебя, надеюсь, остался.

– А тебя разве не будет?

– Нет.

– Гм... Мне неудобно.

«Что неудобно? Хлам свой в багажник самой стаскивать?» Но вслух я сказал другое:

– У меня срочное дело. Через десять минут уйду.

Я подождал, что она ответит; Наталья молчала, и я закончил:

– В общем, квартира в твоем распоряжении.

Положил трубку, быстро оделся и спустился на улицу.

Некоторое время стоял во дворе за топодем – хотелось увидеть, как она подъедет, как выйдет из машины... Я представлял ее изменившейся за эти полтора месяца – постаревшей, дерганой. Не хотелось верить, что без меня ей стало лучше... Да и на машину тянуло глянуть – соскучился по этому «фордику»... и вообще по автомобилю... Как только подкопятя деньги, надо о машине подумать. Что-нибудь недорогое и приличное.

Наталья не появлялась. Я замерз и направился в сторону метро «Беговая». Шел дворами, опасаясь, что жена заметит меня, проезжая по Хорошевке, остановит и уговорит вернуться домой. Придется общаться, а самое неприятное – помогать в выносе вещей.

Возле метро было уютное кафе, где подавали настоящие, с мангала, шашлыки. Я любил иногда там посидеть. Зашел и сейчас. Заказал порцию шашлыка с картошкой фри, двести граммов водки и стакан томатного сока.

Пока ждал еду и выпивку, а потом, когда ел и выпивал, все крутил в голове мысль, что вот неспроста Наталья позвонила именно в эти выходные, накануне моего переезда... Да, стопроцентно узнала о покупке квартиры – и Руслану, и Максиму я сказал об этом (Макс к тому же был моим поручителем перед банком), те, естественно, перетерли эту новость с женами, а жены, конечно, натрещали Наталье. И она заторопилась, а может, и почувствовала, что совершила ошибку,

так со мной поступив.

Помню, меня залила самодовольная радость. Я представлял, как Наталья упрашивает принять ее обратно, говорит, что ее измена была помутнением рассудка, вымаливает прощение... Вот она сидит сейчас в однушке, которую мы снимали почти год, вещи не собирает, – наоборот, привезла то, что забрала тогда, уходя, – и ждет меня, чтобы проситься обратно.

Она плачет, но тихо, без рыданий. Грудь вздрагивает; длинные, обтянутые нитяными колготками ноги устало разьежжаются, но снять сапоги на высоком каблуке не решается. Сидит в мертвой тишине полуброшенной квартиры и ждет...

Я чуть было не сорвался, не побежал туда. Торопливо расплатившись, пошагал в противоположную сторону. В глубь Хорошевского проезда, потом – по Беговому.

Резко остановился и огляделся недоуменно – после унылых коробок жилых домов, тесноты и серости вдруг открылась просторная площадь, огромное сооружение справа. Необычное сооружение, напомнившее мне кадры из фильма об архитектуре Третьего рейха. Такая хищная монументальность, мощь камня. Трепещущие на ветру флажки, бодрая музыка из громкоговорителей на столбах. Куда я попал, в какую эпоху перенесся?... И потребовалось время, чтобы понять, что это всего лишь ипподром.

Хоть я и жил сравнительно недалеко, но на бегах не бывал

ни разу. Даже и мысли как-то не возникало. Казалось, что это нечто из прошлого, безвозвратно погибшее вместе с советским временем. Сегодня для развлечения и зарабатывания денег полно других вариантов. Начиная с автомата-столбика на тротуаре и кончая букмекерской конторой для одних и пафосным казино для других...

Но тут, оказавшись возле входа на ипподром, подхваченный музыкой годов тридцатых, я решил хоть глянуть, что это такое. Бега, ставки, хлопья пены... Билет и программка (впрочем, для «чайника» совершенно бесполезная) обошлись мне в двести рублей.

Был, наверное, перерыв между заездами – люди (их было немного, но вели себя активно) металась по лесенке, соединяющей трибуны и кассу, переругивались, совещались, тасовали какие-то бумажки... Я потоптался в проходе на трибуне, – да, лошади по дорожкам не бегали. Спустился к кассам.

В центре зальчика трое мужиков полубомжацкого вида спорили:

– На Джулию ставь! На Джулию-у!

– На хер мне твоя Джу?... Ласточка!

Третий все старался выхватить у того, что был за Ласточку, мятые десятки и хрипло повторял:

– Номер три, номер три, номер три...

К окошечку кассы подошли две старушки, одетые по моде полувековой давности (у одной с шапки даже вуалька свисала), в кружевных перчатках. Прикрывая друг друга от по-

сторонних, они достали деньги и, сунув в окошечко лица, зашептали что-то принимавшему ставки.

В буфете, который находился в этом же помещении, что-то ели и пили потрепанные люди, загадочно-враждебно друг на друга поглядывая.

– М-да, – вздохнул я громко, – всюду жизнь.

Мне стало смешно. Я будто оказался на съемках фильма о застывшем времени. Захотелось вывести всех этих персонажей на улицу, показать, что есть более интересные вещи. Хотя вряд ли они их увидят – им хочется пребывать здесь, за этими толстыми каменными стенами.

На вздох отреагировали – как-то на секунду-другую замерли, обернувшись ко мне, а потом продолжили свои действия: споры, шепот, жевание, загадочно-враждебные взгляды...

Дождавшись, когда касса освободится, я положил на грязное блюдце для денег (это было именно блюдце) пятисотку. Сказал:

– На номер три.

Пожилая тетенька в каракулевой кубанке и с пестрым платком на плечах подняла на меня удивленные глаза:

– Все?

Я кивнул.

Она обрадовалась:

– Хорошая ставка!

– А по сколько обычно ставят?

– Рублей по тридцать. Бывает, и пятьдесят копеек.

– Фантастика. – Теперь пришел уже мой черед удивляться.

– Что ж, игроки у нас небогатые нынче...

– А на что лошадей содержите? Этих, наездников?

– Жокеев, – поправила тетенька.

– Ну да.

– Это они сами там... – Она стала как-то строже. – Не знаю. Я свою зарплату знаю. – И подала мне бумажку. – Пожалуйста.

– И скоро заезд?

– Вот-вот объявят.

И только я отошел, к окошечку ринулась троица полубомжей. Они продолжали спорить, почти ругались уже; один, отталкивая остальных, хрипел кассирше:

– Все на Ласточку! Да! На Ласточку!..

Я хотел что-нибудь съесть, но глянул на бутерброды с ядовито-красной колбасой и распадающимися пластиками сыра – и отвернулся. Наверняка и пиво здесь было такого же качества...

Забубнил громкоговоритель. Народ ринулся на трибуны.

То ли я неудачно выбрал место, то ли просто не умел смотреть бега, но разглядеть удалось немного.

Мимо кучей прокатились пять или семь лошадей с жокеями, затем, через полминуты, они появились на противоположной стороне огромного овала, еще через полминуты сно-

ва пронесли мимо трибун, но уже не кучей, а плотной вереницей. Я напрягал зрение, шурился, но кто там выигрывает, увидеть не мог. Да и вообще вскоре потерял интерес к гонке. Крутил головой, наблюдал за зрителями. А они хлопали, выкрикивали клички лошадей и фамилии жокеев, стучали по деревянным перегородкам, отделявшим ярусы трибун, те, кто умел, – свистели. У многих были театральные или армейские бинокли; они смотрели в них, отыскивая лошадей, в которые вложены их денежки. Но и не оснащенные биноклями вели себя не менее эмоционально. Наверняка только многолетний опыт, сотни и тысячи проигранных или выигранных рублей помогали им быть в курсе.

Финиш я не увидел, но угадал по особо яростным крикам. Что-то снова пробубнил громкоговоритель, но так невнятно, что я не понял ни слова.

- Кто победил? – спросил явно расстроенного соседа.
- Да Краса, мать ее...
- А номер какой?

Сосед недоуменно или, вернее, недоуменно-презрительно, как на кретина в облике приличного человека, посмотрел на меня и ответил:

- Третий.

Когда я получал в кассе выигрыш – семьсот сорок рублей, – ко мне подошел пожилой, с остатками былой представительности мужчина в когда-то дорогой, но давно уже заношенной дубленке, в потертой норковой (вроде бы) шап-

ке-формовке и вкрадчиво зашептал почти в самое ухо:

– Поздравляю. Узнаю профи. – Отстранился и стал говорить громче: – Разрешите представиться – Рой Эдвардович Гунзер. С семьдесят второго – на бегах. Готов предложить свои услуги...

Я не проявил никакого желания с ним знакомиться, направился к выходу. Рой, как его там, жалко и одновременно с чувством собственного достоинства посеменил за мной, продолжая интимно сообщать, что у него есть выходы на жокеев, на владельцев конюшни... Как-то незаметно его сменил другой подобный, с теми же предложениями, потом еще один...

Оказавшись на улице, я несколько минут стоял, приходя в себя, привыкая к катящимся по проезжей части «Вольво», «Ауди», «Ладам», «Фордам», к пешеходам в современной одежде, к билбордам и зданиям со стеклопакетами... Часа хватило, чтобы я понял, как хорошо жить в начале двадцать первого века... Я даже достал выданные мне в кассе деньги, – вдруг показалось, что они советские, с Лениным... Нет, нормальные, на которые можно купить карбоната, колы, сервелата, икры пару банок. Сыграть на рулетке вполне легально.

Отлично, отлично...

По документам квартира на Кожуховке считалась двухкомнатной, но сириец – цивилизованный человек – сделал перепланировку так, что все принимали ее за четырехком-

натную.

Длинная, но узкая прихожая (коридор, в общем) заканчивалась своего рода холлом (у сирийца стояли там два кресла и журнальный столик; видимо, там он курил). Справа от холла (его я наметил под гостиную) – комната, служившая супружеской спальней, а слева – детская. Обе комнаты не такие уж крошечные... В прихожей по левую руку шкаф для верхней одежды, а по правую – вход в столовую. Это была действительно столовая, так как из нее можно было пройти уже собственно на кухню, маленькую, но не тесную. На ней вполне хватало места для приготовления пищи (а зачем еще кухня нужна?), ели же хозяева в столовой. Это мы привыкли хавать там, где жарим и парим.

Кухня была оснащена отлично – под одно сделаны плита с вытяжкой, посудомойка, раковина, настенные шкафчики, стол, вместительный, почти до потолка, холодильник... Короче, с умом все сделано.

Туалет совмещен с ванной. Просторный, не то что корбочки в обычных квартирешках. Здесь умещались и стиральная машинка, и трехъярусная полка для всяких мазей и шампуней, и раковина с унитазом, само собой. Главной достопримечательностью этого помещения являлось джакузи. Даже с подсветкой.

Правда, существовало и неудобство – в стенку унитаза была вделана металлическая трубка, видимо, для подмывания. Иногда, стоило не так сесть, она задевала копчик, и стано-

вилось неприятно. Я попытался ее вытащить, но не получилось; тогда стал загибать молотком, и стенка унитаза треснула. Пришлось оставить, как есть.

В целом мне все нравилось в моей (почти уже моей) квартире. Она была не похожа на большинство других, предназначенных для нудного пережидания времени от конца одного рабочего дня до начала другого.

Я сразу облюбовал ту комнату, которая служила столовой. Решил, что в ней-то и буду проводить большую часть времени. Поставил телевизор и DVD на тумбочку, через несколько дней после переезда купил раздвижной диван...

С переездом помог Иван. За два рейса управились.

Баулы с Натальиными шмотками (она тогда так и не появилась на Хорошевке) я свалил в бывшей детской, которую стал называть гардеробной. Свои вещи разложил и развесил в оставшихся от сирийцев шкафах. Мебель была чистая, в окнах – стеклопакеты, на стенах – свежие и не раздражающие обои... Короче, я был доволен.

Закончив перетаскивать вещи из «фолька» в квартиру, я предложил:

– Что, Вань, обмоем новоселье?

Тот как-то испуганно дернулся:

– Я ж на машине.

– Оставишь здесь во дворе. Машин вон сколько стоит, не бойся.

Иван согласился. Позвонил матери и сказал, что ночевать

сегодня не придет.

Мы доскочили до супермаркета «Пятерочка» (он находился буквально метрах в двухстах), я купил две бутылки «Русского стандарта», сока, кусок слабосоленой семги, сыра, колбасы...

Вообще-то проводить вечер с Иваном мне не очень хотелось (точнее, представлялось не очень правильным – таких людей нужно держать на расстоянии), но быть сейчас одному казалось опасным. Я бы по-любому выпил и наверняка стал бы звонить, в том числе и Наталье, хвалился бы квартирой, в которую переехал и которая через два-три месяца девяносто девять процентов станет моей. А потом, скорее всего, начал бы просить ее вернуться, клялся бы, что теперь все у нас будет отлично, надежно... детей родим... Я никак не мог примириться с ее уходом. Хотелось вернуть жену даже для того хотя бы, чтобы потом самому ее бросить.

– И какие планы теперь? – спросил Иван, когда мы, почти молча выпивая, захмелели до такой степени, когда можно вести душевные разговоры.

– Да какие... Жить буду.

– Женишься снова?

Я помахал перед собой руками:

– На хрен-на хрен! Пока что у меня другие планы. Надо чем-то серьезным заняться. Я раньше литературой увлекался, всякими радикальными течениями.

– Радикальными? – В глазах Ивана мелькнул насторожен-

ный интерес.

– Ну, в культурном плане. Хотя эти течения и на реальную жизнь влияют... В общем, хочу возобновить. Тем более время благоприятствует.

– В смысле?

Вопросы Ивана меня слегка отрезвили – не стоит раскрываться. Этот потомок работяг с Лефортова вряд ли поймет, а нафантазировать может с три короба. Или начнет подбивать меня теракт устроить какой-нибудь (неудовлетворенность социальным положением у него проявлялась не раз), или, наоборот, в ФСБ донесет... Черт разберет этих людей... И мой ответ был хотя и не совсем честным, зато предельно понятным любому в нынешней России:

– Да так, книжный бизнес на подъеме. Можно неслабых денег поднять.

– Эт дело. Были бы у меня финансы, я бы тоже квартиру купил, хоть однуху, и женился.

– А у тебя что, квартирный вопрос?

– Да еще какой! – зло хмыкнул Иван. – В одной комнате с братом до сих пор. Мне двадцать девять, брату – двадцать пять. И мать в другой комнате. Как кильки в томате... И девку не приведешь.

– Ну как, снимал бы.

– Кого снимал?

– Ну не девку же! – засмеялся я.

– Снимать – тысяч пятнадцать в месяц надо. Минимум. А

я в среднем за месяц тысяч тридцать зарабатываю. Сколько на бензин уходит, на жратву... Матери часть отдаю – свет, отопление... Не-ет, – потянулся Иван, – снимать можно, конечно. – И сразу же снова сжался. – А с другой стороны, с какого перепугу я буду снимать? Мой родной город, а я как приезжий, что ли?

Меня эта мысль развеселила. Плеснул в рюмки.

– По-твоему, – спросил, когда выпили, – москвичам на халву квартиры должны раздавать? При рождении коренного москвича для него сразу планируют трехкомнатную квартиру...

– А что, – Иван не заметил моей иронии, – я бы так сделал. Ну, не треху можно, но двухкомнатную нормальную квартиру – вполне.

Еще глотнули «Русского стандарта», закусили семгой, и Иван стал развивать свою мысль:

– Знаешь, бесят эти призывы, что будь, дескать, активным, и все получится, мечты сбываются, что надо добиваться, этим, конкурентоспособным быть... Ну, короче, понимаешь, о чем я... А если я не хочу быть таким? Если у меня вообще другая внутренняя организация? Что я, всю жизнь из-за этого в жопе, что ли, должен торчать? И таких, как я, – миллионы. Которые не могут и не хотят биться за теплое место под солнцем... Я так считаю – если я гражданин страны, я имею право получить от нее набор необходимых для жизни вещей.

– По факту рождения, что ли? – сдерживая усмешку, уточнил я.

– Ну да. Да! Я – гражданин России, и Россия должна обеспечить меня квартирой для создания семьи, медицинским обслуживанием, загородным участком для отдыха и подсобного хозяйства, путевками, хоть раз в год, в санатории...

– А ты что-то должен?

– Я? Я готов вносить свою лепту. Работать, короче. Но от меня никто ничего не требует. Что работаю я, что нет, всем все равно. Меня и в школе не особо учили – тройбаны ставили, а я на задней парте в карты рубился. В армию не тащили, дали справку купить, что у меня с почками проблемы, и – все в порядке... Так и живу. Гражданин, х-хе... Единственное, что есть, – машина. Она меня кормит. Да и то часть денег откладываю, чтобы вовремя ее заменить, до того, как ломаться начнет. А так – никаких перемен не предвидится.

– Ничего, Вань... – То ли его речь, то ли опьянение сменили во мне иронию на жалость. – Ничего. Я скоро, может, закручу одно дело. И тебя возьму.

– Что, в натуре? – дернулся он. – Хорошо бы. Надо что-то такое, серьезное... У меня, знаешь, тоже планы есть, то есть – идеи. Давай расскажу?

Я глянул на часы. Было около полуночи. Зевнул показно.

– Поздно, Вань. Лучше спать ляжем. Завтра на работу... Еще будет время все обсудить. Наливай по последней.

Я уже давно не могу представить себя смотрящим новости без мыслей, сколько стоит и для чего поставлен тот или иной ролик, пущен такой-то сюжет. Особенно внимательно, иногда засекая время, я слежу за теми роликами, которые попали в телевизор с моей подачи. За них заплачено мне, журналистам, каналу...

Наша контора находилась, считай, в самом центре Москвы – на Триумфальной площади. Напротив памятника Маяковскому. Знаете наверняка этот большой трехэтажный дом позапрошлого века. Раньше там размещалась редакция журнала «Юность», а теперь почти весь он занят одним из крупнейших в России информационных агентств; наше «Агентство бизнес-новостей» являлось его дочерним предприятием.

Я работал в отделе медиабаинга. Зарплата даже по докризисным меркам у меня была мизерная, но связи в ведающих информационной политикой структурах щедро восполняли этот недостаток. Главный доход мне давали леваки.

Разная информация стоит по-разному. Реклама (не лобовая, конечно, скрытая) какой-нибудь фирмы, продукта, выставки цветов или элитных собачек – дешевая; реклама банка (сюжет, как замечательно он функционирует), крупного предприятия – дороже; а мочилово чьего-нибудь конкурента оценивается по максимуму. В мочилове риск большой.

Информацию я пихал в газеты, на радио, но основной доход приносило, конечно, ТВ.

Каналы тоже не все равны. Самых больших денег требуют федеральные и те, что считаются более-менее независимыми, вроде «РЕНа»; для московских заказчиков «ТВЦ» неплохо котируется. По минимуму из общероссийских берет НТВ. Съёмочная группа выезжает долларов за триста, пускающие сюжет в эфир берут около тысячи, мне откатывается долларов пятьсот. Это за полтора минутный ролик в вечерних новостях.

Но все, конечно, относительно: каждый раз стараешься выбить денег побольше, бывает, врешь, что на канале расценки повысились, а разницу забираешь себе. А как иначе? Деньги нужны.

К тому же и работа у меня не из легоньких, если все описать. В любое время срывайся и мчись за кассетой или диском с материалом, а перед этим торгуйся до одурения не только за себя, но и еще за массу людей, через которых информация пройдет, пока не окажется в эфире, на газетной полосе или на сайте. Держи в башке десятки фамилий, помни цены и проценты, пути, подводные камни, нюансы...

В две тысячи четвертом – две тысячи шестом дела у нашего агентства шли отлично. Предложения поступали потоком, разрабатывались и реализовывались проекты. В двенадцати регионах издавались местные бюллетени деловых новостей... А главное – местные выборы тогда еще были более-менее свободными, и бизнесмены, стремящиеся пробиться во власть или поставить своих людей, обращались за

помощью к нам. . . Короче, на жизнь мы не жаловались. Правда, не имеющие доступа к источникам получения и продажи информации ощущали обделенность, но у большинства из них и зарплата была выше нашей. Да и как без обделенных? Бизнес не резиновый. . .

Руководил нашим агентством полковник КГБ в отставке Андрей Юрьевич Касмынин. В заместителях и ближайших помощниках у него тоже были люди из комитета. Поэтому чувствовали мы себя достаточно уверенно, на ленты пускали нередко острые сообщения, устраивали шумные пресс-конференции с известными предпринимателями, проворачивали разные, приносящие немалые денежки операции.

В общем, дальше я постараюсь подробнее рассказать о своей работе. А пока лишь несколько штрихов. . .

Рабочий день начинался в половине десятого. Парковочные места вокруг огромного квадратного здания на Триумфальной постепенно заполнялись автомобилями сотрудников «Интерфакса», ресторана «Американский гриль», «Эль Патио», нашего агентства. Если вдруг чужая машина выражала намерение всунуться в брешь, охранники яростно отгоняли ее, бились насмерть за кусочек асфальта. То и дело возникала грызня и между законными претендентами – территории всем не хватало.

Когда я был пешим, меня забавляли эти войнушки, но потом, начав приезжать на работу на Наташкином «Форде», я понял, что удачно припарковаться – это одна из самых боль-

ших проблем...

Дни были заполнены делами, руководство требовало (но без гнобления) новых идей, давало поручения, кипело энергией. Коллектив был в тонусе.

Если у меня возникала потребность, я мог прийти к гендиректору Андрею Юрьевичу и отпроситься на час-полтора. Он вообще был доступен, давал понять, что знает о подработках своих подчиненных и в принципе ничего не имеет против. Главное, чтобы не очень нагтели. Впрочем, нагтели мы редко, зато время от времени (каждый отдельно и тайком от остальных) жертвовали частью своей халтуры – приносили заказ в агентство и всячески старались показать гендиректору, что вот, мол, какие мы честные.

На личный бизнес я старался отводить часовой обеденный перерыв или вечер. Правда, в период жизни с Натальей вечер часто приходилось убивать на семейную чепуху, а встречи переносить на следующий день... Вообще меня злила психология жены – я ей объясняю, что если не заберу сегодня в восемь вечера кассету с сюжетом, то потеряю пятьсот долларов (бывало и семьсот, и тысячу, и даже три тысячи), а она отвечала, что мне просто плевать на нее. Видите ли, ей хочется сегодня посидеть в ресторанчике (сходить в кино, в театр или просто поваляться вместе на кровати). Конечно, на самом деле часто она легко отпускала меня и даже с работы ехала на метро, если того требовали мои дела, но в памяти остались в основном ее сумасбродства...

С весны две тысячи шестого я был абсолютно свободен и очень активно занимался зарабатыванием денег. Тем более что после покупки квартиры (в мае) закрома мои опустели, и нужно было их пополнять, чтобы выплачивать проценты, приобрести машину... Без машины мне было непривычно, да и стыдно перед коллегами, владельцами (за исключением считанных единиц) самых свежих продуктов мирового автопрома.

Квартиру после покупки я обставлять не торопился. Почти все, необходимое для нормального существования, осталось от прежних жильцов. Купил лишь диван в комнатку, которую называл столовой, ну и еще кое-что по мелочи...

Большую часть времени проводил в столовой. Слушал музыку, смотрел телевизор, читал новые книги Паланика, Уэлша, Уэльбека. Спал.

Скучать в одиночестве не приходилось. В основном общался с Максом. Обычно он звонил мне под конец рабочего дня и предлагал встретиться. Если я был свободен, встречались.

Выпивали и ужинали в каком-нибудь не особенно дорогом кабаке в центре. Чаще всего в «Граблях» на Пятницкой.

Максим все похныкивал о своей любимой девочке Лене, обещал скоро вернуться домой. Я вяло его отговаривал.

Съев кусок мяса и выпив граммов триста водки, Максим покупал пару бутылок девятой «Балтики» и затаскивал меня

в зал игровых автоматов, где тупо просаживал тысяч пять. Если вдруг приходил выигрыш, то вроде бы даже расстраивался – казалось, ему хотелось спустить все, чтобы достичь какой-то предельной точки отчаяния.

Устав наблюдать, как он стучит по клавишам (сам я почти не играл, а если не выдерживал, то тратил рублей по триста-пятьсот), я выводил Макса из зала и тянул в метро. Тогда он начинал проситься ко мне.

– Ты сдурел! Тебя Лианка ждет, и эфир завтра! – возмущался я.

– Достало... Все достало! На хрен! Уеду! – пьяно рычал Макс. – У-уюду!

Подобное времяпрепровождение мне быстро надоело. Я стал отказываться «посидеть после работки», и Максим сменил тактику. Теперь он звонил мне часов в девять на домашний и говорил плачущим голосом, что ему негде переночевать. Когда понял, что и этот вариант не проходит, просто приезжал и трезвонил в домофон...

Таким способом Макс несколько раз оставался у меня спать. Пришлось наконец от него попросту прятаться – на домофон не реагировать, к городскому телефону не подходить. Если я видел, что на сотовый звонит Макс, то не нажимал кнопку ответа, ждал, когда устанет слушать гудки и отключится. Несколько раз он бился во входную дверь, и тогда я уходил в дальнюю комнату...

Днем связывался с ним сам, просил не обижаться: де-

скать, он женат, а мы с его женой Лианой друзья...

Но тех нескольких ночевок Макса в моей квартире хватило, чтобы наши с ней отношения испортились (а может, Макс и все свои ночевки не дома объяснял тем, что был у меня), – решила, видимо, что я участвую в развале ее семьи. И позже мне за это мстила при каждом удобном случае, хотя внешне мы продолжали сохранять хорошие отношения.

С самого переселения на Кожуховку я ожидал, что вот-вот объявится Наталья. У меня оставалось много ее ценных вещей – просто так бросить их она не могла... В первые недели после переезда тянуло ей позвонить, расписать, какое мне удалось отхватить жилье, как мне здесь хорошо и просторно; я убеждал себя, что просто хочу ее подразнить, но чувствовал, что если услышу ее голос, какое-нибудь единственное теплое слово в свой адрес, то наверняка начну просить вернуться... Да, я повторяюсь, но тогда я постоянно жил в таком состоянии, постоянно боролся и боялся...

Позвонила Наталья в конце мая, буквально дня через три-четыре после того, как эпопея с оформлением ипотеки закончилась, я заплатил деньги и получил документы на право владеть квартирой.

– Привет, как дела? – спросила с той же осторожной вроде бы виноватостью, что и три месяца назад.

– Отлично! – Я ответил предельно бодро, а сам как-то моментально ослаб и вспотел.

– Я-асно. Ты, слышала, переехал...

– Да, можно так сказать.

Она молчала. Я сел на диван и ждал ее дальнейших слов.

– Я насчет вещей, – с усилием сказала Наталья. – Забрать нужно... Они живы?

– Да куда они денутся... Можешь приехать. Я тогда еще...

– Да, – перебила, – я помню. Но тогда я не смогла... Не получилось. Адрес скажешь?

– Сейчас пришлю эсэмэс. Когда тебя ждать?

– Через час, наверно.

«Ага, – отметил, – даже не спросила, в каком я теперь районе. И адрес наверняка знает».

Но написал. Посидел, приходя в себя. Включил телевизор. Там показывали фильм про Грабового, который обещал за деньги воскресить погибших в Беслане детей и не воскресил... Плачущие, поверившие ему матери, арест лжечудотворца, кладбище... Выключил – почему-то аж затошнило от этого всего...

– Так-так-так, – сказал себе. – С какого хрена волнуюсь-то?

Достал из холодильника бутылку водки и сок. Выпил.

Походил по квартире, немного прибрался. Выпил еще. Вставил в CD-диск группы «Мельница» и, слушая те песни, что слушал вместе с Натальей, стал ее ждать.

И быстро забылся, замороженный голосом Хелависы, оплетающей сознание нитью слов.

Щурился на месяц, хмурился на тучи,
Противосолонь обходил деревню.
И молчали ветры на зеленых кручах,
И цепные птицы стерегли деревья.
«Ты не наш, – в синих окнах трепетали огни. —
Ты продашь, ты предашь за гривну», – знали они.

Запиликал домофон. Я вскочил, побежал в прихожую, но опомнился: а вдруг Макс? Хотя... хотя он сейчас даже кстати. При нем легче будет просто отдать Наталье ее барахло и распрощаться навсегда. Я снял трубку:

– Да?

– Открой, пожалуйста. – Голос бывшей жены.

– Открываю.

За ту минуту, пока Наталья ждала лифт и поднималась, проглотил стопку водки, убрал бутылку в холодильник, причесался, выключил «Мельницу».

Постоял в тамбуре между двумя дверьми, прислушиваясь к звукам на площадке. Вот скрежетнули раздвигающиеся створки лифта, стук каблуков... Я отпер замок...

От того ли, что давно не видел, или она действительно изменилась – Наталья показалась мне помолодевшей, посвежевшей. Колыхнулись в душе горько-сладкой волной те же чувства, что были тогда, много лет назад, когда только-только с ней познакомился, когда гуляли по набережной Волги и я ждал подходящего момента, чтобы обнять ее, поцело-

вать...

– М-м! – прищурилась Наталья еще на пороге. – Ну у тебя и роскошь! Купил?

– На днях оформление закончили... Проходи.

– Помню, ты меня сюда привозил, – как-то запросто снимающая полусапожки, сказала она.

– Когда?

– Осенью.

– Наверно...

Провел Наталью по комнатам; она сдержанно восклицала, что, дескать, очень даже неплохо. Очень!.. Джакузи ее рассмешило, но, кажется, и вызвало зависть.

– Что ж, молодец, – подытожила. – Поможешь мне вещи спустить?

Я пожал плечами:

– Конечно.

Отнесли два баула. Остался еще один.

– Может, посидим, поговорим, – предложил, – у меня вино есть.

Наталья усмехнулась:

– Я на машине.

– А, ну да... Ну да... Как, не ломается?

– Кто?

– «Форд».

– Нет, все в порядке. – Наталья коротко, но пристально посмотрела на меня и сказала: – Ладно, давай посидим.

Прошла в столовую, секунду-другую выбирала, куда сесть – на стул или диван. Выбрала стул. Я включил чайник.

– Тебе чай, кофе?

– Хм... Кофе.

– А что ты усмехнулась?

– Так... – Наталья вытащила из сумочки сигареты. – Есть какая-нибудь пепельница? – Я принес блюдце; она закурила и тогда уж стала объяснять: – Когда мы жили, ты таких вопросов не задавал – делал, что тебе только нужно...

– Ну, тогда мы были на равных. А теперь ты моя как бы гостья.

У Натальи нехорошо блеснули глаза:

– В том-то и дело.

Я поставил на стол тарелку с печеньем, колбасную нарезку, сок, водку. Приготовил чашку кофе.

– Как живешь вообще? – спросил.

Наталья усмехнулась, пожала плечами:

– Думаю, тебе докладывают.

– Да нет, не особенно. К тому же я не люблю слушать сплетни.

Она глубоко затянулась и тщательно сбила пепел с уголька.

– В общем, все в порядке... В целом... – Кивнула на водку: – Ты выпей, не стесняйся.

– М-да, я же алкаш.

– Ну все, перестань. Давай ни о чем не вспоминать, не

трясти обидами и... и всем, что было. Выпей. Если можно, включи музыку.

Я нажал на проигрывателе «play»; зазвучала «Мельница»:

Как клинки, режут небо крылья.

Улетать – только если к морю...

Взгляд Натальи потеплел. И я, как-то сразу успокоившись, наполнил рюмку и выпил. Бросил в рот ломтик колбасы.

Нужно было разговаривать, но я не находил о чем. О прошлом она просила не вспоминать, подробности нынешней жизни тоже обсуждать не хотела.

– Вот, обиталище купил, – сказал я, не придумав ничего лучше. – В кредит, правда. Теперь проценты выплачивать десять лет.

– Что ж, – поддерживающий вздох Натальи, – иначе сегодня жильё мало кто может приобрести.

Мне тут же вспомнилось, что она ушла к члену правления банка, и вздох показался уже скрыто-издевательским. Я посмотрел ей в глаза, стараясь определить, так это или нет.

Наталья мелкими глотками пила кофе. Глаза ничего не выражали. Ни грусти, ни нежности, ни насмешки... Я налил себе еще стопку.

Да, говорить было вроде как не о чем. И я стал разглядывать ее не как муж, долго не видевший жену, а как мужчину чужую женщину.

Молодая, тонкая, гибкая. Светло-русые волосы до плеч, узкое лицо, правильные черты. Уверенность, хоть и скрытая сейчас некоторой тревогой. Нога закинута на ногу и слегка качается. Обтянутая чулком икра подрагивает... Так вот, внешне, очень привлекательная, – чего б, как говорится, не жить... Но если действительно все вспомнить, все наши ссоры, ее истерики, капризы, подспудную, но постоянную на протяжении нескольких лет в браке борьбу друг с другом, мои мелкие измены и ее измену всерьез, то вся эта, пусть и не очень густая, грязь даст ясно понять, что дальнейшая совместная жизнь невозможна.

Многие пары присыпают эту грязь чистым песочком искусственных радостей, вымученного общего веселья, но он все равно быстро покрывается новым слоем грязи. И рано или поздно муж и жена доходят до точки, когда дальше быть рядом, спать в одной постели, просто обмениваться словами больше нельзя. Одни разбегаются, другие, по ряду причин, продолжают формально оставаться семьей, тихо, а иногда и бурно ненавидя друг друга, и их жизнь превращается в муку... Хорошо, что у нас с Натальей так получилось – мы расстались, не дойдя до степени, когда разбежаться очень сложно. Ни детей у нас, ни других сковывающих вещей. И я сейчас был почти благодарен жене, что она вот так тогда разрубила. Хотя зря сразу не объявила, что любит другого, зря скрывала. Я бы понял и отпустил. И не было бы моих бед с обморожением, ее угрызений...

Наталья допила кофе и вдруг заторопилась:

– Все, нужно ехать! Спасибо... Нужно ехать! – Пошла в прихожую.

Я догнал ее и обнял. Повернул к себе, стал целовать... Очень приятно было ощутить, как ее напряженное, почти каменное тело расслабилось под моими ладонями и неподвижные, сжатые губы раскрылись, стали мне отвечать... Не выпуская, я повел Наталью в спальню, на оставшуюся от сирийцев широкую супружескую кровать.

Остаток этого дня я пребывал в поганейшем настроении. Даже водка не помогала его как-то поправить, избавиться от чувства совершенной ошибки, и – главное – почти не пьянила...

Наталья вскочила, как только я кончил и отвалился в сторону. Быстро оделась и, повесив на локоть баул с вещами, стала пытаться открыть дверь. Щелкала замками.

Я завернулся в простыню, вышел к ней и просил остаться. «Побудь еще со мной». Хотел обнять; Наталья резко отстранилась и почти со злобой сказала: «Выпусти». Сказала так, что я, уже без споров и уговоров, провернул ключи.

Пока ждала лифт, я смотрел на нее, а она – на створки дверей. Лишь когда они стали медленно, с поскрипыванием раскрываться, глянула на меня. И этот короткий взгляд испортил мне настроение. Да что там – окатил новой порцией грязи и испугал. В нем, во взгляде, секундном, но остром, бы-

ли и ненависть, и презрение, и торжество. Словно она пере-хитрила, победила и раздавила гаденького врага. И вот, покидая поле боя, глянула, чтобы удостовериться, что же это была за мерзость, шевелится ли еще. Понимает ли вообще, что побежден...

И вот теперь я глотал водку и думал, пытался понять, почему она так на меня посмотрела, что я сделал неправильно, зачем она поддалась и легла, если так меня презирает... Позже, когда исправить ничего уже было нельзя, стало ясно, зачем разыграла приступ страсти, расслабила каменное тело, сама стянула с себя джинсы, задрала водолазку. А глянула так бессознательно, устав притворяться.

Я пил, слушал уже не «Мельницу», ставшую мне сейчас отвратительной, а когда-то любимый «Дорз», тот безумный концертик, на котором пьяный или обдолбанный Моррисон почти не мог петь, и его пытался заменять Манзарек, между ними то и дело возникали перепалки; Моррисон падал, мычал, визжал в микрофон, а публика бесновалась...

Немного разбавил беспросветную концовку этого дня звонок Свечина.

– Привет, – как обычно безо всякой приветливости поздоровался он. – Говорить можешь?

– Могу-у! – помню, воскликнул я с полупьяной развязностью. – Теперь я все могу!

– Что-то случилось?

– Все отлично. У меня все отлично!

– У, поздравляю... Слушай, ничего нет для халтуры?

– Как нет? – есть, конечно! – Я слегка протрезвел, приглушил звук проигрывателя. – Нужна статья, пятнадцать тысяч знаков.

– О чем?

– О социальных инициативах российских угольных компаний. Берешься?

Свечин подумал и спросил:

– А сопроводительные материалы есть?

– Есть кое-что. Но в основном – в Интернете найдешь.

– И сколько стоит?

– Сто пятьдесят бакинских.

– Нормально. Можно попробовать. – Он помолчал и, не меняя интонации, заговорил о другом: – Я вообще вот что звоню – завтра в музее Маяковского вечер литературный. Думаю, вдруг тебе интересно.

– А что за вечер?

– «Свежая кровь». Будут...

Меня жутко рассмешило это название. Я хохотал так долго, что Свечин положил трубку. Пришлось перезвонить.

– Извини. Просто бухаю, настроение поганое.

– Ты же говорил, что у тебя все отлично, – вроде бы удивился он.

– Это я так... наоборот, хреново. Думаешь, стоит пойти?

– Ну, я обязательно буду. Там вся наша писательская группа соберется. То есть те, кто в Москве живет... Молодые бое-

вые писатели. Ты же хотел познакомиться, тоже участвовать.

– Да, да, – вспомнил я наши со Свечиным разговоры в больнице. – Постараюсь.

– Давай тогда встретимся в половине седьмого на «Лубянке».

– Давай.

– Можешь коньяка фляжечку взять... И материалы для статьи не забудь, пожалуйста.

Литературный вечер показался мне довольно комичным и даже абсурдным (как большинство мероприятий, в которых участвуют люди сплошь со схожими взглядами), но на нем произошло знакомство с девушкой, которая на некоторое время меня очень увлекла... Я даже влюбился.

Встретились мы с Олегом Свечиным на выходе из метро. Было жарковато, настоящая летняя погода.

Выпили во дворе музея немного принесенного мной коньяка; Свечин выкурил сигарету и, растерев окурок ботинком по асфальту, спросил, сколько времени. (У него был мобильник, но он все время забывал, что там есть часы, и спрашивал у других.)

Было без пятнадцати семь.

– Давай еще по глотку, и пойдем. – Он заметно волновался...

В полукруглом зале сидело человек двадцать. Потом еще подошли, но немного – пятеро-семеро. Как оказалось, почти

все собравшиеся (или вообще все) были поэтами, писателями, критиками. Их приглашал к микрофону находящийся на сцене темноволосый миловидный юноша в пышном сером свитере.

Выступления парней и девушек (на вид большинству из них было лет двадцать – двадцать семь) поражали своей одинаковостью. Сначала они произносили эмоциональные, к счастью, не очень длинные речи о том, что в литературу пришло новое поколение, свежее и преисполненное желания действовать... Один, миниатюрный паренек в дерматиновом пиджаке, сказал, что необходимо действовать обязательно вопреки (вопреки чему, я так и не понял), и это в конце концов принесет победу (кому и в чем, тоже осталось для меня неясным), а затем прочел чужой (фамилию поэта я забыл) стих в духе Крученых. Другой юноша, покрупней, гривастый, резко жестикулировавший, объявил, что хватит стесаться над советским, героическим, созидательным, и прочел свой стих в духе позднего Маяковского (про буржуев, утонувших в наворованных народных деньгах). Пухлотелая девушка с лицом египтянки сообщила, что у литературы остался единственный путь – «путь летящей в толпу бомбы», после чего прочитала свой рассказ от первого лица, в котором доведенная до безумия бытовухой героиня изрешетила размороженную курицу кухонным ножом...

Я услышал не всех – два раза мы выходили со Свечиным в музейный туалет, где прикладывались к бутылочке с конья-

ком... В какой-то момент у меня возникло желание забрать из гардероба пальто и пойти гулять по центру Москвы. Хорошо, что Свечин удержал.

Когда вернулись в зал во второй раз, на сцене стояла тонкая девушка с золотистыми (явно натурального цвета) волосами и строгим лицом. Она напомнила мне артистку Николь Кидман...

Видимо, свою речь девушка уже произнесла и теперь наизусть, без бумажки, читала стихи.

Слабовато, тонковато, но с нервом звучал ее голос, вспыхивали яркие сочетания слов, неожиданные рифмы...

– Кто это? – шепотом спросил я у Свечина.

– Ангелина Зотова. Поэт, прозаик, критик, публицист, – ответил он, а потом решил добавить: – Она, Сергей, который вечер ведет, и я – считаемся лидерами нового поколения.

Я хотел хмыкнуть, но не стал. Продолжал смотреть на девушку. «Ангелина, – повторял про себя, – надо не забыть. Ангелина...»

После нее Сергей позвал к микрофону Свечина.

Тот со свойственной ему вялой интонацией забубнил, что свобода ушла из политики, общественной жизни, но осталась в литературе, и, вымученно придав голосу энергию, призвал к тому, чтобы молодые писали о реальной жизни, фиксировали ее со всеми ее подробностями и темными сторонами...

Я слушал его, а глазами наблюдал за Ангелиной. Она си-

дела в первом ряду, выпрямив спину, и без отрыва смотрела на сцену.

– Как говорил Белинский, – заканчивал речь Свечин, – умение верно изображать отрицательное есть ключ к изображению положительных явлений, не ставя их на ходули... В общем, да здравствует реализм!

И после этого он минут пятнадцать читал рассказ, в котором герою во время общегородского праздника не продали алкоголь, и он, герой, разозлившись, стал обличать празднующих в лицемерии и тупости.

Закончил вечер ведущий Сергей по той же схеме: позажигал публику речью, а затем прочитал текст про бессильных пенсионеров – бывших когда-то молодыми и сильными комсомольцами-добровольцами, победившими Гитлера и запустившими в космос Гагарина...

– А теперь, – свернув листочки в трубочку, сказал Сергей, – приглашаю всех на скромный фуршет.

В соседней с залом комнате, почти каморке, был накрыт стол – бутерброды, маринованные огурчики, оливки, водка, вино в пакетах, минеральная вода... Свечиным завладел какой-то высокий юноша в очках и стал жаловаться, что его роман нигде не берут, просил помочь «протолкнуть»; Свечин косился на еду и питье, мычал, что нужно подумать, что поговорит с тем-то и тем-то... Я стоял возле двери, не решаясь нагло пробиться к столу, поглядывал то на Свечина, то на Ангелину, мило и грустновато улыбающуюся говорящему

ей что-то Сергею.

Вообще все вели себя довольно свободно – было очевидно, что знакомы давно, друг друга не стесняются... «Сколько таких группок в Москве, – пришла мне ехидная мысль, – и где плоды их вечеров, споров, планов...»

– Ну что, выпьем? – наконец освободился Свечин и, не дожидаясь моего ответа, ринулся к яствам; вернулся с двумя пластиковыми, почти полными стаканчиками и пластиковой тарелкой с горкой закуски. – Держи, а то уроню... Пей.

Глотнули теплой водки.

– Слушай, – наклонился я к уху Свечина, – познакомь меня с Ангелиной.

Тот кривовато усмехнулся:

– А-а, я так и думал. Для этого и звал, в общем-то. По-нравилась?

– Ну да. – Играть в смущение было нечего. – Она замужем?

– Была. Муж тоже писатель. Разошлись года два назад... Вот такой романище написала! – Свечин, резко оживившись, растопырил пальцы.

– О чем?

– Ну, о разводе, как ей плохо одной. О душевных переживаниях. «Выжженное пространство» называется. Советую прочитать.

– Ладно... Познакомь. – Мне уже не терпелось заговорить с ней.

– Пошли. Только я скажу, что ты почитатель ее таланта, давно следишь за творчеством.

– Зачем?

– Ей нравится.

Действительно, он расписал меня чуть ли не фанатом Анжелины, и та посмотрела мне в глаза с большим интересом. А я стоял и глуповато улыбался.

Но куда сильнее ее заинтересовали слова Свечина, что я хочу участвовать в их объединении и мечтаю издавать журнал (я про себя возмутился этому заявлению, но виду, понятно, не подал).

– Да, журнал нам нужен, – серьезно сдвинув бровки, сказала Анжелина; голос ее теперь не был похож на тот, каким читала стихи, теперь он был сильным, грудным, низковатым для ее комплекции. – Мы, – обвела рукой собравшихся, – Олег, Сергей, Илья, не имеем проблем с публикацией в толстых журналах, но есть те, кто не может пробиться. Не успел или слишком радикален. Достойные ребята. Нужно поддерживать молодежь!

– Да-да, – закивал я, – нужно.

– И журнал – лучший для этого способ. Журнал, в котором они могли бы без рамок проявить себя и как прозаики, и как публицисты, критики, полемисты... Да и нам, более или менее, так скажем, известным, участвовать было бы полезно... Понимаете ли, эффект сжатого кулака...

Я смотрел на Анжелину и удивлялся – что-то такое мощ-

ное было в этой тонкой, слабой девушке, что становилось жутковато. И, послушно слушал ее лекцию, согласно двигая вверх-вниз головой.

– Мы присутствуем при первом выступлении нового поколения писателей, идеологов, философов. Это – поколение двадцать первого века! И необходимо развить это выступление, ввести талантливую и активную молодежь в общественную жизнь.

«Интересно, сколько ей лет? На вид лет двадцать, а тон, как у учительки, – думал я. – Надо не забыть спросить у Свечина».

Постепенно почти все фуршетники окружили нас; наперебой заговорили о литературе, ее значении, о читателях, о том, что нужно писать яркие, раздражающие тексты... Кто-то предложил собраться и поехать за город: «Шашлыки устроить, воздухом надышаться!»

Ангелине эта мысль понравилась:

– Отлично! А у кого-нибудь есть машина? У меня мечта – мчаться на спортивной машине...

– Ха-ха-ха! – засмеялся уже прилично пьяный Свечин. – Как героиня «Курьера»! У нее тоже такая мечта была...

– Вполне нормальная женская мечта, – посуровела Ангелина. – Не нужно меня обличать в мещанстве, Олег.

Оказалось, что машин ни у кого нет. Ехать за город, на какую-то речку Злодейку в Ступинском районе решили на электричке.

– Со станции километра три полями и перелесками, – объяснял высокий, костистый парень, на вечере читавший свой текст про охотников. – Места сказочные... Цапли водятся!

Мне понравилось, что писатели оказались безмашинными. И я уже почти не вслушивался в гам их голосов, а думал, как бы побыстрее купить хороший, оригинальный автомобиль... Посадить Ангелину и рвануть по пустой, ровной трассе...

– Никита, – окликнула Ангелина прилизанного почти мальчика с перепуганным лицом. – Никит, подходите к нам! Что вы там, как маргинал?

Тогда я не придал этому оклику особого значения.

Мое знакомство с Ангелиной случилось очень вовремя – иначе я названивал бы Наталье и требовал объяснений того ее резкого ухода, прощального взгляда... Но я влюбился в Ангелину, и прошлое побледнело, почти растворилось.

Я мечтал о новой встрече, вспоминал ее слова, твердый, уверенный голос... На вид былинка, а в душе – крепкая, со стержнем, что называется... Купил книгу «Выжженное пространство» – пятисотстраничный внутренний монолог молодой женщины, разошедшейся с мужем, не видящей будущего, не имеющей друзей, задыхающейся в пустоте пошлого мира. Лишь в финале героиня встречается с интересными ей людьми – начинающими поэтами, художниками, философами – и обретает смысл жизни. Она вместе с ними стремится

изменить этот пошлый и несправедливый мир. На этом книга закончилась.

Финал был несколько надуманный, вроде «Воскресения» Льва Толстого, – нужно автору показать преобразование героя, и он сочиняет. На самом же деле Ангелина явно несчастна, поэтому так рьяно занимается литературой, выступает на собраниях. Просто нет ничего более интересного. Бедолага... Хотелось взять у Свечина ее телефон. Пригласить в дорогой – вообще дорогущий – ресторан, поговорить с ней один на один.

Но я сдерживал себя – решил, что в следующий раз она увидит меня пусть не в спортивном, но уж точно в незаурядном автомобиле. Я открою дверцу, она сядет, и мы помчимся...

Автомобиль нужно было покупать в любом случае. Я очень неуютно чувствовал себя в метро, тосковал без пространства салона, без движения по Садовому, без туннелей и эстакад. Убежденному пешеходу это, конечно, покажется смешным, но я вздыхал даже по пробкам.

После работы заходил на авторынок рядом с «Кожуховской» и разглядывал выставленные машины.

Все эти банальные «Фольксвагены», «Форды», «Лады» мне не нравились, внедорожники и «Мерседесы-купе» были дороги, да и они тоже вряд ли могли претендовать на оригинальность. Хотелось чего-то необыкновенного – чтобы с первого взгляда поразило.

Специально я автомобиль не искал – не шерстил Интернет, не объезжал рынки. Понимал, выкладывать сейчас тысяч пятнадцать долларов рискованно – нужно было иметь резерв для выплаты процентов за квартиру. К тому же дел было полно. Хорошо, что дела эти приносили кой-какие деньги...

Вообще, весна и лето две тысячи шестого запомнились мне бурными и яркими.

Люди в Москве заметно богатели, расслаблялись, добрели; самым популярным словом стало – «гламурненько». В метро, на работе читали книги Робски и «Duxless» Минаева, а потом за чашкой mate обсуждали их. Из советского прошлого вернулась мировая, в общем-то, мода ходить в кинотеатры. С особым нетерпением народ ожидал фильм «Омен», на день премьеры которого – 6.06.06 – был назначен конец света. Когда он не произошел, многие были даже как-то расстроены.

В клубах листали бесплатные журнальчики «Где», «Акция», «Большой город», из которых можно было узнать не только о том, что где происходит в Москве, но и что думает о том-то и том-то более или менее известная (и, желательно, молодая) персона, каковы вообще настроения в обществе.

Большой популярностью пользовались клубы. Но не те шумные ночные, куда ломился молодняк девяностых, а такие, где можно было и вкусно поесть, и побеседовать, и живой концерт интеллектуальной группы послушать, и попри-

сутствовать на поэтическом слэме, и книги полистать в находящемся тут же книжном магазинчике. Таких клубов было в центре Москвы штук десять – «Проект ОГИ», «Жесть», «Улица ОГИ», целая сеть «Пирогов», «Билингва»... Некоторые позже закрылись, хотя пользовались, по-моему, большой популярностью.

Популярно стало и некогда милое мне левачество. Правда, не агрессивное, не фанатичное, а скорее веселое – почти такое же, какое уже лет около сорока (пожалуй, с Красной весны) существует в Западной Европе. Да нет, мягче, конечно. Никаких особо экстремистских лозунгов, битых витрин, летящих в ментов камней... Монетизацию льгот, вызвавшую бурное негодование пенсионеров и всяких нацболов в начале две тысячи пятого, фактически отменили, а практически провели потихоньку, постепенно. Хотя, конечно, антиправительственные настроения (непременные почти в любом государстве) сохранялись.

В клубе на Брестской проходили политдебаты, судя по отчетам в Интернете, довольно острые и собиравшие много зрителей, участились митинги, образовывались различные партии и движения – незарегистрированные, карликовые, но все же слегка повышавшие градус общественной жизни.

И все же это было скорее развлечение некоторой части населения, чем серьезная позиция; и такое левачество (в которое странным образом влились и правые силы) только усиливало ощущение общей бодрости и побеждающего позитива.

ва.

Как я уже говорил – человек я достаточно осторожный, особенно в общении с противоположным полом. Поэтому сближения с Ангелиной я хоть и хотел, но побаивался действовать слишком напористо. Конечно, сказал Свечину при первом удобном случае, что она мне всерьез понравилась, выяснил, что ей двадцать шесть лет. Даже не поверил; Свечин усмехнулся:

– В этом возрасте девушки часто выглядят на шестнадцать, а потом – бац! – и уже на тридцать шесть.

– Да, бывает, – пришлось согласиться.

– Так что торопись. Соблазни и делай предложение.

– Что значит – предложение? Я вообще формально еще окупруженный.

– Ну так разводись. Там тебе ловить стопудово нечего, а здесь – вполне. Девушке замуж надо, ребенка. К тому же – умная, не как основная масса.

– Ладно, – перебил я. – Я сам знаю, что и где мне ловить. Кстати, на природу-то ездили?

– Что? – Свечин привычно насторожился, будто почувствовал в вопросе опасность.

– Вы договаривались в музее Маяковского ехать куда-то, на шашлыки.

– А-а, – он отмахнулся, – так это болтовня. На каждом фуршете договариваемся... Тянет из Москвы... Мы как-то

по пьяни с Ангелиной в Братск собирались – у нее тетка там. Все обговорили, решили, а утром протрезвели и не созвонились. Поняли, что никуда нам отсюда не убежать.

– А что, она пьет? – не поверил я.

– Ну так, иногда... Но ей много ли надо при такой комплекции, сто граммов вина и – готова.

– Понятно...

Хоть я и перевел разговор с необходимости побыстрее завязать серьезные отношения с Ангелиной, мысль развестись и тогда уж, свободному, с чистой совестью начать ухаживать за ней не давала покоя. Каждый день я собирался подать заявление и каждый день откладывал. Было как-то стыдно начинать эту процедуру...

Наталья опередила меня – в середине июня прислала эсмэс: «Побывала на родине, подала на развод». Я ответил тоже коротко, но внутренне радуясь: «Ясно». Хотя радость быстро сменилась новой волной обиды. Всю ночь вспоминались хорошие моменты нашей жизни, опять подробно прокручивалась в голове поездка в Париж – отель на бульваре Клиши, теплоходик по Сене, Лувр, Сакре-Кёр, ночные ресторанчики на Монмартре, мы – веселые, счастливые, любящие друг друга... И вот чужие, почти что враги...

И досада крутила – надо было первому заявление написать, а то теперь так выходило, что я – человек, с которым жить нельзя, и развод – единственный выход.

Я ворочался на диване, то включал, то выключал телеви-

зор, DVD, уговаривал себя уснуть – «завтра на работу», – а мысли кусали, дергали, душили...

С другой стороны, я показал, что готов сохранить семью, держался. Рано или поздно я встречу с ее родственничками и все им выскажу. И не верю, что у нее там с этим членом правления получится. Потрахают ее и выбросит. И будет тут, тварь, под дверью скулить...

Выходил из этого очередного депрессняка долго и без помощи водки. Пил вообще в то время мало совсем. Но одна пьяночка тех дней запомнилась.

Вскоре после получения известия от Натальи я решил справить полноценное новоселье. Пригласил Максима, Ивана, Свечина. Хотел позвать и Руслана, чтобы наша пирушка в глазах Лианы, Марины, а значит, и Натальи (даже узнав о заявлении на развод, я в глубине души на что-то надеялся) выглядела вполне пристойной, но он с женой уехал на выходные в пансионат под Звенигородом...

Макс приперся с какой-то девкой. Не девкой, точнее, а женщиной, хоть и ухоженной, подтянутой, но явно взрослой. Далековато за тридцать.

Она представилась: «Анжела», я выдавил в ответ: «Очень приятно» и при первой же возможности уволок Макса в другую комнату.

– Ты на хрена ее притащил?! Кто это вообще? И как я Лианке буду в глаза смотреть?

– Не надо ей никуда смотреть – она никто уже, – с несвой-

ственной для себя твердостью ответил Макс. – Мы расходимся. Все: привет, подружка.

– Кончай чушню молоть.

– Я серьезно. У нее, оказывается, бойфренд полгода, и я вот Анжелу завел.

– Да? И где живешь?

– У Анжелы. Уже две недели почти. Ты же меня не пускаешь.

– И ты ее любишь?

Макс ухмыльнулся, и мне пришлось подкорректировать вопрос:

– Ты с ней, ну... трахаешь ее?

– А что делать? Симпотная, без истерик... Разберусь тут с делами и домой свалю, к Лене.

Теперь уже ухмыльнулся я:

– Ло-овко.

– Ну, вот так получается. По вашим с Натальей стопам пошли. Вы разбежались, и мы разбегаемся. То есть... – Максим поежился, – я думаю, они это одновременно замутили.

– Кто?

– Наташка с моей. Я так подсчитал, что в одно время у них мужики появились. То есть у Лианки не мужик, ему лет двадцать... Сучку в соку удоуду захотелось... Ну, короче, договорились и подзавели себе любовничков.

– Что, думаешь, они прямо сидели, обсуждали это? Стоит – не стоит...

– Ты, блин, как ребенок! Да все бабы так свои вопросы решают. Сто раз созвонятся, мозги друг другу выжрут своими проблемами, в данном случае – какие у них мужья мудаки, и в итоге находят тех, кто их облизывает... Ну и пускай. Меня тоже есть кому облизать.

– Но все равно не верится, что так синхронно. – Расклад Макса меня действительно удивил, хотя вроде бы чему тут удивляться...

– А мне, наоборот, все ясно, – пожал он плечами. – Лианка на Наталью посмотрела с ее мужиком и тоже решила объявить. Тем более у нас давно не клеится... А чем она рискует, если мы разведемся? Квартира на нее оформлена, и она уверена, что я с ней судиться не стану. Если вдруг даже стану, то меня ее папаша быстро на место поставит... Собрал, короче, вещички и смылся. И – рад. Кстати, – сменил он интонацию, – ты квартиру на себя оформил?

– Естественно.

– Не боишься, что Наталья претендовать начнет?

– Чего? – Я, помню, чуть не захохотал тогда – нелепым показалось, что женщина, изменившая мужу, ушедшая к другому, по-настоящему богатому человеку, может претендовать на купленную уже после ее ухода жилплощадь... Да идиотское просто предположение!

– Ладно, – хлопнул я Макса по плечу, – пошли к остальным. А то наше отсутствие не так поймут.

Анжела сидела в уголке, тихая и забытая, Свечин с Ива-

ном (знакомые давно, но слабо – мельком встречались) горячо обсуждали рок-музыку. Какие раньше были классные группы и какая пустота теперь... Даже о водке забыли, кажется.

Максим подсел к Анжеле и стал сюсюкать:

– Соскучилась, рыбка? Извини, разговор был. Проблемы. Давай выпьем вина. Тебе сливового, птичка?

Лет семь назад он так же общался с Лианкой, а в последний примерно год даже и не замечал ее в общих компаниях. Впрочем, то же и у нас с Натальей... Неужели у большинства складывается по подобной схеме?...

Еды и выпивки было полно – я утром принес два пакета из «Пятерочки». Кое-что прикупили парни. Но ели и пили мало – Максим окучивал пожилую девушку, Иван и Свечин с удовольствием спорили, я скучал.

Послушал одних, других и примкнул к разговору о роке. Нашел подходящий момент, задал вопрос:

– А сейчас вообще, что ли, нет настоящих рок-групп?

Свечин, не задумываясь, ответил:

– Последней рок-группой была «Чиж и компания». Потом – рокопопс.

– Нет, не согласен, – замотал головой Иван. – «Запрещенные барабанщики»...

– Да ну, фигня.

– А ты их песню «Шаурма» слышал? – И Иван стал бормотать речитативом: – «За окном чуть свет начинается бред,

а денег нет и не предвидится. И счастья тоже нет, и сразу ясно и понятно: я попал, я попал, сразу ясно, кто в кармане ночевал...»

– Ну да, хорошая песня, – признал Свечин. – Потому что социальная. Но это исключение, можно считать. Все наши группы, как ни крути, были социальными. Кончилась социальность, кончился и рок.

– Да надоела эта социальность, – сказал я. – Глубины хочется, а не этого вечного: «Время есть, а денег нет». Для меня сейчас лучшие группы – «Сансара», «Мельница», «Ботаника», несколько вещей «Люмена».

Иван улыбнулся:

– «Сид и Нэнсе» у них – хорошая тема. – Напел: – «Мы никогда не доживем до пенсии».

– Ну, надоела или нет, это каждому для себя решать, – сказал Свечин мрачно. – Но социальность всю нашу жизнь пропитывает, и никуда от нее не денешься. Я как квитки на коммуналку получаю, у меня такое социальное раздражение возникает! Сразу хочется «О, да пошли вы все на хуй!» орать.

– Работу надо найти нормальную, – отозвался я, – а не орать. Конечно, если семь тысяч получать...

– Не семь, а двенадцать. И я считаю, что это нормальная, в принципе, зарплата. Деньги не должны быть бумагой... Да и не на нее в основном моя семья живет, а на мои гонорары... Но не в зарплате вопрос. Понимаешь, скоро такая катастрофа шибанет, что никаких зарплат не хватит.

– Какая еще катастрофа?

– Социальная.

– Ладно каркать. Ее каждый год предрекают. Три года назад еще все рухнуть должно было – как-то не рухнуло.

– Нет, – сказал Иван, – что-то приближается. Вон Илларионов от Путина убежал.

Я отмахнулся:

– У них давно конфликт был, еще с посадки Ходора. Это ни о чем не говорит.

– Ну конфликтовали сто лет, а убежал только сейчас. Сам в отставку с такого места ушел!.. И говорит, что вот-вот...

– А, бросьте про свои конфликты! Да и даже если что-то случится, на нас с вами это вряд ли сильно отразится.

– Отрази-ится, на всех отразится, – зловеще откликнулся Свечин и выпил рюмку водки. – Но меня это радует. Надо почувствовать на своей шкуре. Каждому! И тогда появятся новые группы, снова, но уже по-своему запоют: «Перемен!» Я бы сам, если б умел... Столько текстов лежит...

– Ты песни пишешь? – удивился Иван.

Свечин как-то приосанился, горделиво объяснил:

– У меня раньше, в Сибири, своя группа была. В начале девяностых. Потом я сюда приехал в Литературном институте учиться. И все заглохло. Десять лет почти не вспоминал, а последние месяцы прямо зуд такой!.. Необходимо петь, записывать, вроде и ребята есть, но что-то не клеится.

– А я умею на гитаре, – сказал Иван. – По юности играл

в команде. Хардкор рубили... Я бы тоже с удовольствием. И тексты, кстати, у меня тоже есть.

– Да?

И они стали мечтать сколотить группу, репетировать, записаться в студии, выступать по клубам. В их мечты ввязался Максим – явно рисуясь перед Анжелой, он заявил, что у него есть связи в клубной сфере, что парни могут рассчитывать на его поддержку, что вообще это дело важное и в перспективе способное принести неплохие доходы.

Иван со Свечиным кивали, как дети, поддерживали: «Конечно, давай, Макс, поддержи. Вообще стань нашим продюсером».

Я слушал все эти возбужденно-оптимистически-пьяноватые голоса немолодых людей и, помню, снисходительно улыбался.

После этого застолья, закончившегося вполне приподнято (Иван со Свечиным договорились собрать команду, обменялись телефонами и имейлами и побежали по домам, видимо, горланить без музыкального сопровождения свои тексты, а Максим ушел в обнимку с раскрасневшейся от вина и его комплиментов Анжелой), я еще пару дней допивал оставшийся алкоголь. Пил стабильно, но не нажираясь, не забывая о делах.

Как проводил дни?

Когда у тебя Интернет, CD, DVD, телевизор, ответить на

этот вопрос довольно сложно или очень просто – не знаю. «Сидел в Инете», – нормальное объяснение того, на что был убит вечер, а то и два дня выходных. Я тоже могу сказать точно так же, и это будет правда.

Впрочем, то, что делалось тогда у меня в голове, было важнее происходящего в реальности.

В юности, до Москвы, я был злым человеком. Именно – злым. Мою злобу щедро подпитывала культура Европы последних веков. Вся она вопиет о том, что мир опасен и безжалостен, что человек человеку – враг, и помочь можно лишь самому дорогому и близкому, но и в этого близкого, пока ты несеешь его в госпиталь, впивается десяток пуль. А потом – и в тебя. Так что помощь бесполезна и даже самоубийственна... Вспышки веры то в бога, то в психоаналитику только подтверждают отчаянную уверенность европейцев в беззащитности отдельно взятого человечка. Позже эта уверенность передалась и жителям России.

Девяностые годы учили, что выкарабкиваться из ямы, куда провалилось девять десятых населения страны, нужно поодиночке. Тогда есть какой-то шанс выбраться. Близких и ближних нет. Точнее, они формально есть, но должны карабкаться сами. Иначе вместе рухнете на дно.

Помогать утопающему, как известно, должны профессионалы. Но профессионалов хорошо и достойно жить – единицы. Остальные же действуют наугад, судорожно цепляются за края ямы, дергаются, теряют силы. То один, то другой не

выдерживает и сползает вниз, в жадную и ненасытную тряси-ну. Не вздумай протягивать руку. «Что бы ни произошло, он умрет и без меня», – пелось в одной андеграундной песне конца восьмидесятых. Да, верно.

Так и я жил все девяностые. Вроде бы поначалу нас была целая компания – молодых и стремящихся дружно выкарабкаться парней, но все же действовал каждый поодиночке. Когда сверху предупредили, что не надо так сильно активничать, мы замерли. Чуть позже один из нас, Женя, снова ломанулся вверх, и его сразу толкнули в тину. Она чмокнула, и Женя навсегда исчез на Новом кладбище.

А я висел, замерев, на стене, злился и ждал. И вот появилась рука Руслана, выдернула на площадочку. Я смог расслабить затекшие, не очень-то крепкие от природы мышцы. Огляделся и понял, что на дворе уже не девяностые, а нулевые.

Нулевые, а тем более жизнь в нулевые в Москве изменили схему моей судьбы и, что важнее, психологию. Да и окружающие стали другими. Злость отсекалась, одиночность стала непродуктивна. Одиночки или погибли, или влились в разнообразные цепи.

Цепи необходимы, но каждое звено в них можно заменить. Начиная с более-менее разумного офисного работника и кончая вроде бы единственной в своем роде звездой экрана, эстрады и тому подобного. Перевести товар или сыграть роль адмирала Колчака в сериале может любой из, в пер-

вом случае, десятков тысяч, а во втором – из десятка людей. Результат, по существу, окажется одинаковый. Товар попадет куда нужно, сериал посмотрит прогнозируемое накануне съемок количество зрителей... Если будешь вести себя нормально, тебе будут доверять дела и проекты, роли и хитовые песни, а начнешь залупаться – выкинут и забудут.

И поняв это, я сделался в Москве сдержанным, учтивым, корректным. На работе я вел себя тихо и смиренно, на переговорах предпочитал долго обсуждать, убеждать, улыбаться, намекать, что за такую-то цену ничего не получится, хотя внутри все требовало сразу объявить нужную сумму. Я предпочитал обходиться мертвыми фразами в нечастых беседах с матерью, вел себя несколько отстраненно с коллегами и приятелями, старался быть вежливым с женой... Этаким безопасный, бодренький, креативный индивидуум.

В воображении я разбивал морды партнерам, коллегам и водителям подсекающих меня машин, я дрался с ними, как герой «Бойцовского клуба». Я убивал и расчленял, кромсал на куски этих двуногих, которые заполняли тротуары, магазины, банки, лифты, офисы, словно герой «Американского психопата». Я душил жену, втыкал вилку в горло Руслану, сбивал «Фордом» гаишников... Но все это происходило лишь внутри моей головы. Впрочем, так же, как и у героев «Бойцовского клуба» и «Американского психопата». Никто (или, скажем, практически никто) не хочет выплеснуть кипящую агрессию в реальности, никто не хочет взлететь, зная,

что через несколько минут разобьется в лепешку. Большинство предпочитает терпеть и убеждать себя, что все не так уж плохо. И действительно – все не так уж плохо. Могло быть и хуже, как говорится. А эта агрессия, как легко можно доказать любому недовольному, – бешение с жиру.

Но вот у меня наступило «хуже». И что?... Я пишу этот текст (уже почти шестьдесят страниц накопил в ноутбуке) и все заставляю себя перейти на другой язык, заговорить лаконично и зло. Все объяснить, показать наглядно. Хоть на виртуальную бумагу выплеснуть эмоции. И – не могу. Даже сейчас, оказавшись на грани и решившись записать последние четыре года своей жизни – четыре года непрекращающихся ударов, новых и новых проблем, – я не могу заставить себя по-настоящему разозлиться. Пишу нейтрально. Описываю, а не кричу...

Описываю, будто человек со стороны, то, как разламывалась моя, первая и единственная, жизнь.

Сообщение жены о разводе вызвало много чувств, но для них всех фоном была, конечно, злость. И как не злиться, когда тебе откровенно дают понять, что ты оценен ниже кого-то другого – даже после контрольной проверки (тот визит Натальи я тогда воспринимал именно как проверку); когда ты понимаешь, что женщина, с которой прожил несколько лет, для которой сделал немало добра, становится уже навсегда чужой. Развод – это не ссора, не истерика, даже не случайная измена, а обдуманый и выверенный шаг.

Возвращаясь с работы, я ложился на диван и утыкал взгляд в экран телевизора или слушал любимые песни. Но не видел, что там показывают, не слышал, что поют. Лежал и думал. Почти так же, как в «Медицине», – медленно, подробно, детально.

Вот мне тридцать два, и с одной стороны, я добился немало – по крайней мере, у меня есть своя квартира, вот-вот будет машина; у меня приличная работа, но кто я вообще и что меня ждет дальше? Кому я нужен, кто по-настоящему нужен мне? Вот возьму и умру сейчас на этом диване и вполне могу пролежать так лет пять. Или десять. Превратиться в скелет... Дверь в подъезд закрывается плотно, вторая дверь, отделяющая столовую от прихожей, тоже сейчас закрыта – запах вряд ли так уж сильно просочится на площадку... Максим, Руслан, Свечин, Иван, мать позвонят на домашний, на сотовый и бросят. Решат, что я куда-то уехал... Нет, в банке через месяц-два забеспокоятся, не получив проценты. Начнут искать, вызовут эмчезсников, те вскроют дверь. Обнаружат...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.